

P. o. russ.

118

lv

P.O. russ. MP 6

23957

Слово

о

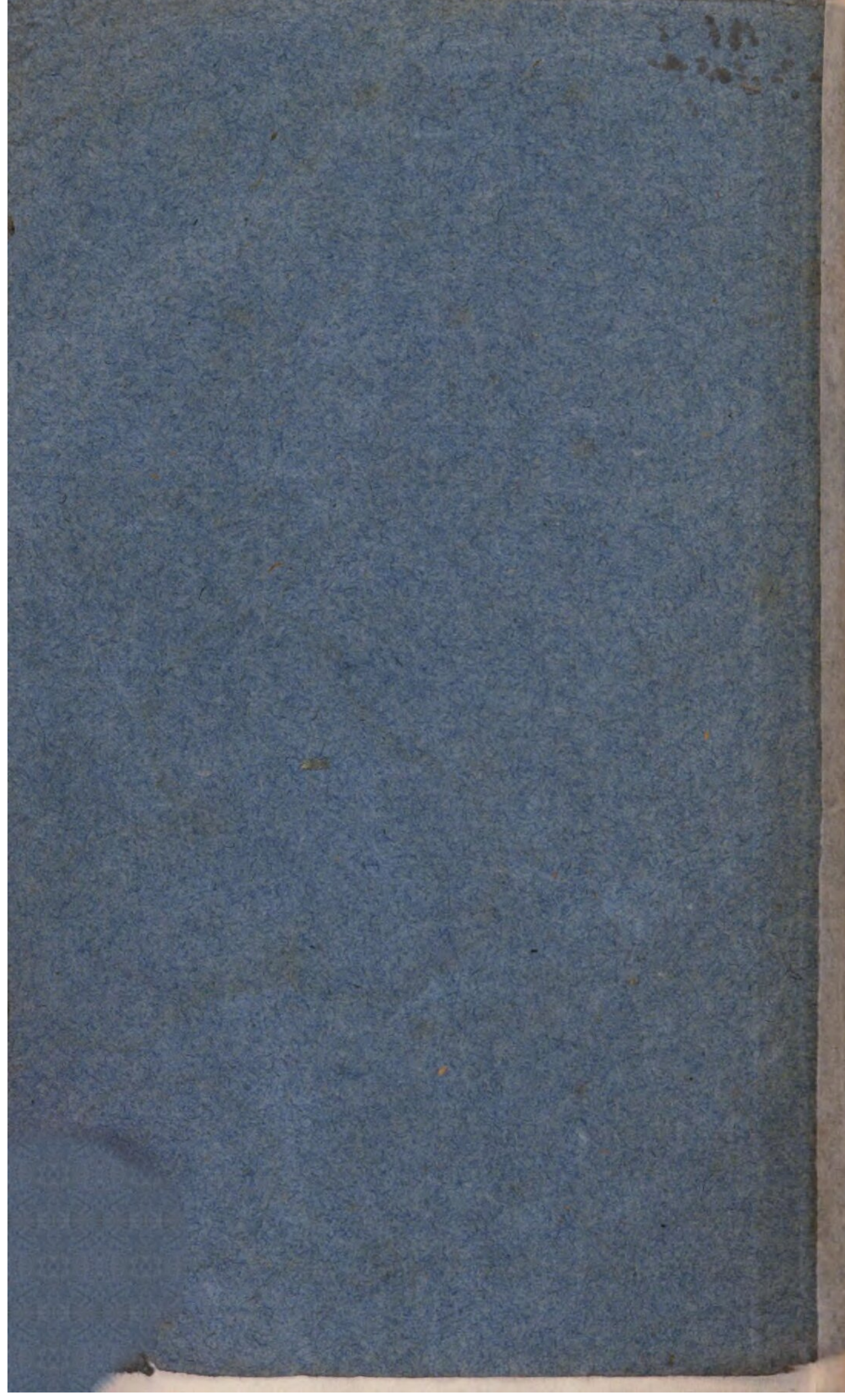
ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ,
ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА,
ВНУКА ОЛЬГОВА.

СЪ ПЕРЕВОДОМЪ ВЪ ПРОЗЪ И ПРИМЪЧАНІЯМИ.

МОСКВА.

1856.

62 В

Р.о.гит. 1186

С Л О В О

о

ПОЛКУ ИГОРЕВОМУ,

ИГОРА СВАТОСЛАВИЧА,

ВНУКА ОЛЬГОВА,

СЪ ПЕРЕВОДОМЪ ВЪ ПРОЗѢ И ПРИМѢЧАНІЯМИ.

С. И. Кораблева.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

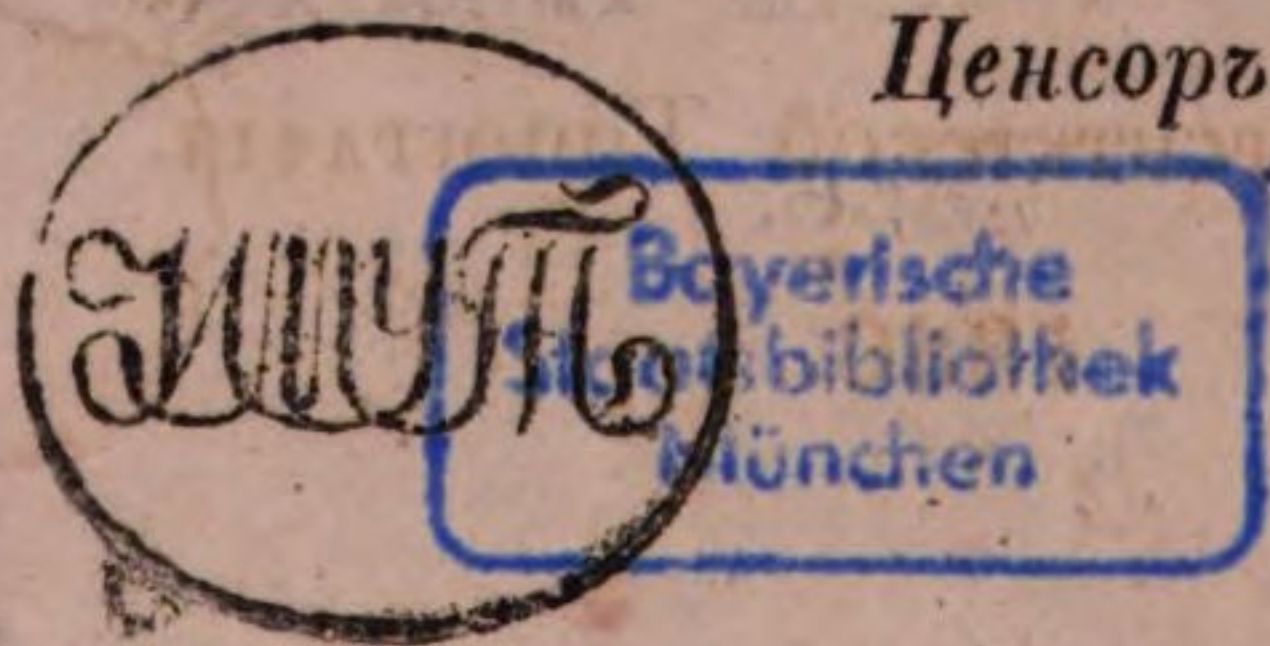
1856.

фн 5176 ✓

Печатать **позволяется**

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено
было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное чи-
сло экземпляровъ. Москва. 28-го Апрѣля, 1856
года.

Ценсоръ В. Флеровъ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ДОСТОХВАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

ЛЮБИТЕЛЯ РУССКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ,

ГРАФА АЛЕКСѢЯ ИВАНОВИЧА

МУСИНА-ПУШКИНА,

ОТКРЫВШАГО «Слово о плѣху Игоревѣ» въ 1795 г.

ПОДРАЖАНІЕ СТАРИНѢ.

Высота, ты высота — поднебесная,
Глубина, ты глубина — океанъ море
Старина ты, степь, раздольице — дико поле!
Еще кто высоту по извѣдаетъ?
Еще кто глубину по измѣряетъ?
Еще кто старины допытается,
О ея житъе бытъе — досмѣкается?
По извѣдаютъ высоту: вихри буйные,
Вихри буйные, — то люди умные;
Поизмѣряютъ глубину черны карабли —
носадушки,
Добывая со дна моря цвѣтны камешки;
Допытается старины стрѣлка мѣткая,
Стрѣлка мѣткая — то дума крѣпкая!
На Руси-то братцы, чудо совершилося:
До заката солнце красное затмилося.
Игорь съ войскомъ ѣдетъ въ степи поло-
вецкія,
Но легли его дружины молодецкія, . . .
Самъ онъ, раненный, у Половцевъ въ неволѣ.
Точно соколъ обезкриленъ, въ чистомъ полѣ.
Не кукушка ранней зоринькой кукуетъ,
Ярославна, свѣтъ объ Игорѣ тоскуетъ.
Вотъ минулось Божье знаменье ужасно,
Заблестало въ чистомъ небѣ солнце красно:
Игорь палъ въ свои луга родные тучны,
Рокочите же о немъ струны звучны!....

КРАТКОЕ СВѢДѢНІЕ

ОБЪ

открытіи «Слова» и мнѣніяхъ за и
противъ его подлинной древности.

Въ русской литературѣ раздается по временамъ голосъ, поддерживающій старинное мнѣніе профессора Каченовскаго съ послѣдователями о подложной древности «Слова о полку Игоревѣ.» Этотъ голосъ бросаетъ тѣнь сомнѣнія даже на самое открытіе сего памятника, случившееся, будто бы *неизвѣстно какъ*, въ эпоху оссіановскаго энтузіазма, когда повсюду стали *неожиданно* открываться древнія народныя пѣсни, рассказы, Эпопеи. Но открытіе «Слова», какъ и самый сборникъ, въ которомъ оно находилось, не были тайною. Извѣстный собиратель Русскихъ древностей, Графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, купивъ у Архимандрита Спасо-Ярославскаго

монастыря Юиля разныя книги, нашелъ между ними, въ одной, подъ № 323», по почерку своему весьма древней, писанной въ листъ, слѣдующія статьи:

1) «Книга, глаголемая хронографъ, (хронографъ), рекше начало письменомъ царскихъ родовъ отъ многихъ лѣтописецъ; прежде о бытіи и сотвореніи міра, отъ книгъ Моисеовыхъ и отъ Іисуса Навина и отъ русскихъ лѣтописецъ, сербскихъ и болгарскихъ.

2) Временникъ, иже нарицается лѣтописаніе русскихъ князей и земля рускыя.

3) Сказаніе о Индіи богатой.

4 Синагрипъ царь Адоровъ Иналивскія страны.

5) Слово о плъку Игоревѣ, Игоря святославля внука Ольгова.

6) Дѣяніе прежнихъ временъ храбрыхъ челоѣкъ о бръзости и о силѣ и о храбрости.

7) Сказаніе о Филипатѣ и о Максимѣ и о храбрости ихъ.

8) Аще думно есть слышати о свадьбѣ Девгеевѣ и о всхыщеніи Стратиговнѣ.

Нужно ли вслѣдъ за другими повторять, что сборникъ этотъ видѣли нѣсколько лицъ, въ числѣ коихъ былъ и исторіографъ Карамзинъ, что любопытнѣйшая эта книга сгорѣла въ Москвѣ, во время нашествія Французовъ въ 1812 году и что не только всѣ піесы въ ней находившіяся но и самое «Слово», обратившее на себя преимущественное вниманіе М. Пушкина, удовлетворительно изданы не были, — такимъ образомъ этотъ единственный въ своемъ родѣ остатокъ изъ цвѣтовъ древнѣйшей русской поэзіи погибъ почти безъ слѣда, потому что первые издатели не оставили даже снимка съ почерка, коимъ онъ былъ писанъ и только два три отрывка, въ примѣчаніяхъ ко 2 и 3 томамъ Истор. Гос. Рос. Карамзина сохранились какъ бы во свидѣтельство существованія сборника.

За первымъ изданіемъ «Слова» М. Пушкинымъ, М. 1800 г. подъ названіемъ: «Ироическая пѣснь о походѣ на Половцевъ удѣльнаго Князя Новгородъ — Сѣверска Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія

ст переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе,» слѣдовало много другихъ переводовъ, вотъ ихъ образцы.

1) О которомъ сей часъ сказано М. Пушкина при участіи А. Ѳ. Малиновскаго и Н. Н. Бантышъ-Каменскаго.

«Пріятно, намъ братцы, начать древнимъ слогомъ прискорбную повѣсть о походѣ Игоря, сына Святославова! Начать же сію пѣснь по бытіямъ того времени, а не по вымысламъ Бояновымъ. Ибо, когда мудрый Боянъ, хотѣлъ прославить кого, то носился мыслію по деревьямъ, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками.»

2) А. С. Шишкова, помѣщенный въ 1 части сочиненій и переводовъ, издаваемыхъ Россійскою Академіей и въ полномъ собраніи сочиненій и переводовъ его 7 части. «Возвѣстимъ, братіе, о походѣ Игоря, Князя Игоря Святославича, тѣмъ слогомъ, какимъ въ древнія времена многотрудныя повѣствовались подвиги. Начнемъ пѣснь сію по бытіямъ сего времени, а не по замысламъ Бояновымъ. Когда Боянъ велерѣчивый, кого воспѣть хотѣлъ, растекался

IX

мыслію по дрезамъ , сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаки.»

3) Я. Пожарскаго , Спб. 1819 г. Не-лучше ли намъ, братцы , начать старымъ слогомъ трудную повѣсть о полку Игоря Святославича! Начать же оную по бытіямъ сего времени , и не по замыслу Боянову. Ибо вѣщій Боянъ , когда хотѣлъ кому пѣснь творить , то носился мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками.»

4) Н. Грамматина. М. 1823 г. съ переводами въ прозѣ и стихахъ.» Не пристойно ли бы намъ было, братья, воспѣть древнимъ языкомъ трудную повѣсть о войскѣ Игоревомъ, Игоря Святославича? Воспѣтой же быть той пѣснь по былинамъ сего времени , а не по замыслу Боянову , Боянъ мудрый , когда кому хотѣлъ пѣснь творить , то носился мыслію по древу , сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками.

5) А. О. Вельтмана , М. 1833 г. «Не славно ли , други воспѣть древнимъ ладомъ высокихъ сказаній о подвигахъ Игоря — Игорь Святославича?

Былое воспѣть, а не вымысль Бояна, котораго мысли текли въ вышину такъ какъ соки по дереву.

Какъ сѣрые волки неслись по пространству, и сизымъ орломъ въ поднебесьи парили »

6) М. Максимовича. Кіевъ. 1837 г.» Не славно ли было бѣ намъ, братья, начать старыми словами скорбныхъ повѣстей пѣснь ополченію Игоря, Игоря Святославича!

А начаться той пѣсни по былинамъ сего времени, хоть не по Боянову замышленію.

Боянъ вѣщій, если кому хотѣлъ пѣснь творить, то разтекался мыслию подреву, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ по поднебесью.

7) Д. Лубенскаго, въ III ч. Русскихъ Достопамятностей, изданныхъ Московскимъ Общест. Ист. и Древ. Россійскихъ. М. 1843 г.» Не лучше ль намъ было, братцы начать прежнимъ складомъ важныхъ повѣстей, о походѣ Игоревомъ, Игоря Святославича и начаться этой пѣсни по былинамъ нашего времени, а не въ

духъ Бояновомъ? Ибо вѣщій Боянъ, когда
кого хотѣлъ воспѣть, то носился мыслями
по лѣсамъ, сѣрымъ волкомъ по полю,
сизымъ орломъ подъ облаками »

Стихотворные переводы были слѣдующіе:

8) Сѣрякова Спб. 1803 г.

«Коль пріятно слогомъ древности
Повѣсть намъ начать прискорбную
О походѣ Князя Игоря!
Пѣснь начать же гласомъ истинны
По былинамъ того времени
А не вымысламъ Бояновымъ;
Онъ кого хотѣлъ прославить
По древамъ носился мыслию,
Сѣрымъ волкомъ по землѣ бѣжалъ,
Въ облакахъ сизымъ орломъ леталъ »

9) Палицына. Харьковъ. 1833 г.

«Любовь къ отечеству зоветъ о Россы
насъ
Воспѣть брань Игоря на древній предковъ
гласъ,
Какимъ ихъ подвиги вѣщались знамениты:
Да будутъ бытія и нашихъ лѣтъ открыты
Но не дерзнемъ витійствъ Бояновыхъ искать;
Когда Боянъ кого стремился воспѣвать

Онъ мыслію по древамъ въ восторгѣ рас-
текался,
То сизымъ онъ орломъ подѣ облаки взви-
вался
То сѣрымъ волкомъ онъ носился но по-
лямъ.

10) Язвицкаго. Спб. 1812 г.

«Что пристойно слогомъ древности
Повѣсть разсказать печальную,
О полку походѣ Игоря?
Кой (*) воспѣть князей когда хотѣлъ
По древамъ носился мыслями
Сѣрымъ волкомъ по землѣ бѣжалъ
По поднебесью орломъ парилъ.»

11) Левицкаго. Спб. 1813 г.

«Намъ пріятно, братцы, пѣснь воспѣть,
О походѣ словна Игоря
Древнимъ слогомъ—слогомъ жалобнымъ,
О походѣ славна Игоря,
Не веселую — печальную!
Мы начнемъ ее какъ слышали,
По былинамъ того времени
Не по замысламъ Бояновымъ.»

(*) Г. Гербель весьма справедливо ставитъ здѣсь знакъ
вопроса.

XIII

Намъ извѣстно, что Боянъ пѣвецъ,
Прославлять когда хотѣлъ кого,
То носился всюду мыслию:
По деревьямъ легкой птицею
Черезъ холмы будто сѣрый волкъ,
Какъ орелъ сизый подъ облаки.»

12) Грамматина, принадлежащій къ
замѣченному выше прозаическому переводу.

«Не воспѣть ли, милые братіе, любезные
Мѣрой древней, заунывной не воспѣть ли
намъ

О походѣ на Половцевъ Князя Игоря
О походѣ не удачномъ Святославича
Повѣсть жалости достойная и вѣчныхъ
слезъ!

А начнемъ мы по былинамъ сего времени
Не по замыслу начнемъ ее Боянову
Вѣщій бардъ, онъ пѣть когда хотѣлъ чьи
подвиги

Онъ по древу растекался смѣлой мыслию,
Онъ голоднымъ сѣрымъ волкомъ рыскалъ
по землѣ,
Зоркимъ сизымъ онъ орломъ парилъ подъ
облаки.»

13) Деларю.

«Иль начать намъ, друзья, старымъ складомъ
сказаній воинскихъ

XIV

Пѣснь о походѣ Олегова внука, Игоря Князя!
Пѣснь же ту намъ начать по событіямъ
дней настоящихъ
Не по замысламъ вѣщимъ Бояна. Боянъ
замышляя
Витязя славу воспѣть, соловьемъ разтекался
по дереву,
Сѣрымъ волкомъ въ поляхъ, сизокрымъ
орломъ въ поднебесьи ,»

14. Минаева. Спб. 1846.

«Начнемъ , други , складомъ старинныхъ
людей

Разсказъ про святые былины
Какъ Игорь костью положилъ средь степей
Свои удалые дружины.

У правды народной одна сторона
У вымысловъ гранямъ нѣтъ счета
Такъ рѣчь у Бояна восторговъ полна
Ярка у нее позолота.

Онъ звучную ль пѣсню кому запоетъ
Раскинется въ вѣтви мыслями
Онъ волкомъ по черной землѣ протечетъ
Орломъ полетитъ подъ звѣздами!»

15) Мея въ Москвитянинѣ и отдѣльно.
М. 1850 г.

Аль затягивать ребята на старинной ладѣ
Пѣсню слезную о полку князя Игоря

Князя Игоря Святославича!
 А и пѣсню намъ затягивать
 Про давнишнюю былинушку
 Не по замыслу Боянову.

Коли вѣщему Бояну прилучалось
 Про кого нибудь пюсню складывать
 Растекался онъ мыслию по лѣсу
 Мчался сѣрымъ волкомъ по полю
 И сизымъ орломъ подъ облаки.»

16) Гербеля. Спб. 1855.

Не начать ли, братцы, мнѣ
 Моего повѣствованья,
 По завѣтной старинѣ
 Складомъ важнаго сказанья
 Про исполненный невзгодъ
 Святославича походъ?
 И начать рассказъ мнѣ свой
 Не по былямъ вдохновеннымъ
 Соловья страны родной
 А по былямъ современнымъ?
 Если вѣщій нашъ пѣвецъ
 Сплестъ кому хотѣлъ вѣнецъ
 То носился мыслью птицей
 Онъ по дебрямъ и лѣсамъ
 Сѣрымъ волкомъ по полямъ
 Или сизою орлицей

XVI

Поднимался къ облакамъ.»

Еще въ изданіи г. Гербеля помѣщенъ изъ Галатеи 1829 г. отрывокъ, безъ означенія имени переводчика, подъ названіемъ: «Опытъ переложенія пѣсни о походѣ Игоря,» съ начала, до словъ: «О Бояне, соловіи стараго времени.»

Пріятно, о други, вамъ будетъ услышать
Прискорбную повѣсть о Игорѣ князѣ,
Начнемъ не по вымысламъ хитрымъ Бояна
Начнемъ по преданіямъ дней проле-
тевшихъ

Когда величавый Боянъ полководцевъ
И витязей славныхъ гремющею пѣснью
Онъ мыслію леталъ по деревьямъ вы-
сокъ мѣ

И сѣрымъ онъ волкомъ носился по доламъ
И сизымъ орломъ разстилался по небу.»

Вотъ еще иностранныя переводы:

Баланшарда:

«Il est doux de chanter un héros malheureux:
Chantons du brave Igor l'effort in fructueux;
Mais que dans nos récits, simples et ve-
ridiques:

Quand un barde voulait célébrer les héros,
Son esprit inspiré l'élevait sur les flots,

Le portait comme un aigle audessus des
 nuages
 Ou comme un faible oiseau parmi de verts
 bocages.»

Зедергольма:

«Bedünket es nicht euch, ihr Brüder, löblich,
 Wenn wir alter Zeiten Wort beginnen
 Die Trauermähr von Igors Heereszuge
 Des Sohnes Swatoslavos? Wohlan denn Lied
 Beginne, treu den Thaten dieser Zeiten,
 Nicht nach Bojans Gedankenflug des Sehers;
 Denn wenn ein Heldenlied er singen wollte,
 So schweifte durch die Wälder sein Gedanke
 Wie auf der Erde schweift der graue Wolf,
 Den Wolken nah der bläulich-graue Aar.»

Бѣлевскаго:

«Bracia! nie pięknieś piąć staremi słowy
 Trudne o pułku Igora powieści?
 A więc pocznijmy pieśń vedle osnowy
 Zdarzeń, nie zmyślen bojańskiemu tory;
 Bo wieszeczy Bojan jeśli k'czyjej
 Pieśń tworzył, myślą uganiał przez bory,
 Wilk ziemią w wiatrach orzeł chygo hióri.»

Есть еще переводъ Вацлава Ганки на
 Богемскій языкъ. Кромѣ этихъ переводовъ
 «Слово» было напечатано г. Сахаровымъ
 въ V т. Пѣсенъ Русскаго народа. Сиб.

1839 г. съ основательнымъ изложеніемъ спора за и противъ его подлинной древности, а въ 1846 году, изданы въ Москвѣ г. Г. «Примѣчанія на Слово о Полку Игоревомъ», гдѣ при текстѣ помѣщены сіи Примѣчанія, числомъ 252, съ приложеніемъ родословной князей, упоминаемыхъ въ сказаніи о битвѣ Игоря. Какъ въ Примѣчаніяхъ такъ и во взглядѣ на упоминаемыхъ въ «Словѣ» лицъ, есть новыя выводы, изъ коихъ многіе служатъ неоспоримо къ уясненію текста, но есть и такіе, съ которыми нельзя или во все или отчасти согласиться. Критическими изслѣдованіями «Слова» наиболѣе извѣстны: Березинъ, Болтинъ, Буслаевъ, Бутковъ, Бѣликовъ, Востоковъ, Кн. Вяземскій, Давыдовъ, Ермслаевъ, Калайдовичъ, Карамзинъ, Каченовскій, Н. Полевой, Пушкинъ, Руссовъ, Сахаровъ, Снегиревъ, Тимковскій, Шевыревъ, такъ же иностранные: Вишневскій, Добровскій, Шафарикъ, Шлецеръ и другіе.

Вотъ какое сочувствіе вызвалъ вдохновенный голосъ поэта, обнажившій передъ нами едва замѣченныя лѣтописями черты изъ подъ спуда слишкомъ Уіѣковъ! И надобно отдать справедливость писателямъ, посвящавшимъ

труды свои на переводы и объясненія этого памятника, что онъ постепенно уясняется приближаясь въ переводахъ болѣе и болѣе къ тому національно-поэтическому духу, въ коемъ былъ созданъ своимъ творцемъ; а сначала, открытый М. Пушкинымъ, онъ, можно почти сказать, едва едва, мѣстами былъ понимаемъ.

Нѣкоторые изъ гг. переводчиковъ и объяснителей, «Слова» дѣлили его на главы: Максимовичъ на 14, Сахаровъ на 12 и Шевыревъ на 16. Востоковъ, Дубенскій, Максимовичъ и Полевой разбивали текстъ его на стихи. Но, мнѣ кажется дѣленіе Слова, на главы, какъ произвольное и у пѣвца не существующее, вовсе излишне; состоя изъ описанія 3 моментовъ: похода, сраженій перваго удачнаго и послѣдняго проиграннаго съ воспоминаніями о прежнихъ междоусобіяхъ князей, а наконецъ плѣна и освобожденія. Оно по этому, дѣлится только на три части; что касается до версификаціи, то ее совсѣмъ не видно, конечно потому что въ исходѣ XII или началѣ XIII вѣка она или даже какое бы то ни было звукосочетаніе, были неизвѣстны Русскимъ.

Но я упоминалъ, что донинѣ повторяется старинное, очень темное мнѣніе,

будто бы «Слово о полку Игоревомъ, есть новѣйшая поддѣлка подъ древность; а чтобы читатель безъ дальнихъ справокъ видѣлъ сущность любопытнаго объ этомъ предметѣ спора, я привожу его въ умѣстной полнотѣ. Мысль о подложной древности нашего памятника поддерживается и развивается преимущественно въ журналѣ:» Бібліотека для Чтенія,» и вотъ что, еще въ 1834 г. т. IV, при разборѣ сочиненія г. Глаголева» *Умозрительныя и опытыя основанія словесности*,» было писано въ семъ журналѣ. «Мы сожалѣемъ, что онъ, (г. Глаголевъ), не примѣнилъ духа анализа къ Слову о полку Игоря, которое слишкомъ опрометчиво причислено имъ къ источникамъ русскаго языка; что онъ не принялъ на себя труда сравнить его критически съ гаэлицкою поэзію почтеннаго Мекферсона. Надъ Словомъ о полку Игоря носится въ нашемъ умѣ сильное подозрѣніе въ мистификаціи: оно крѣпко пахнетъ Оссіаномъ, его фразы словно выкроены по мекферсоновымъ; его обороты и выраженія большею частію принадлежатъ къ слогу XVIII вѣка, многія прилагательныя къ новѣйшей польской поэзіи, особенно слово вѣщій въ смыслѣ поэ-

тическій, весьма поздно созданное для латинск. *vates* въ переводахъ Горація и Виргилія; быстрая Каяла, серебряныя сѣдины, Сула, текущая серебрянными струями храбрая мысль, носящая умъ на дѣло, жемчужная душа въ храбромъ тѣлѣ, крававыя его раны въ жестокомъ тѣлѣ, крововавыя зори, налаганіе вѣщихъ перстовъ на живыя струны, прилетаніе мыслию изъ далека, золотыя слова, смѣшенныя слезами и цѣлыя дюжины этого рода понятій, совершенно неизвѣстны среднимъ вѣкамъ. совершенно противны духу ихъ красно-рѣчія и явно заимствованы изъ новаго поэтического языка Европейцевъ; наконецъ симметрическія повторенія въ періодѣ нарѣчій уже тутъ, изысканное сочетаніе междометія о! съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ и т. д., напоминаютъ уроки Цицерона и Квинтиліана, а частое употребленіе мѣстоименія свой, столь рѣдкаго въ старинныхъ славянскихъ писаніяхъ, показываютъ въ сочинителѣ чловѣка, на-питаннаго французскимъ языкомъ. Есть даже галлицизмы, напримѣръ — кричатъ телѣги полунощныя — тутъ и глаголь и прилагательное не старѣе насъ лѣтами.

Всѣ эти обстоятельства подвергаемъ мы безпристрастію и разборчивости автора; не должно останавливаться тѣмъ, что уже много глубокомысленныхъ разсужденій писано о Словѣ о полку Игоря. Оссіанъ былъ переведенъ на всѣ языки, внесенъ во всѣ бібліотеки, принятъ даже въ Исторію, когда Малькольмъ Ленгъ разочаровалъ его обожателей своею безпощадною любовію къ истиннѣ. Самое открытіе этого слова, въ эпоху энтузіазма, возбужденнаго Оссіаномъ, и что еще важнѣе, совершенное отсутствіе всякихъ другихъ списковъ, уже должны были привести осторожнаго критика въ сомнѣніе, если бъ даже и не находилось другихъ слѣдовъ подлога въ самомъ произведеніи, впрочемъ искусно поддѣланномъ.» Тѣ же самыя мысли были повторены тѣмъ же журналомъ въ сентябрьской книгѣ 1847 г. по поводу рецензіи на переводъ *Краледворской рукописи* г. Берга. Вотъ что говорится относительно «Слова» въ этой рецензіи: «Пѣсни Оссіана сводили тогда съ ума всю Европу... почти повсюду стали неожиданно открываться древнія народныя пѣсни, рассказы, эпопеи. Въ это время открылось у насъ неизвѣстно какъ (?) слово о полку Игоря, въ Богеміи

XXIII

открылась вдругъ знаменитая Краледворская рукопись. Какъ обыкновенно водится въ подобныхъ открытіяхъ, рукопись эта единственная *codex unicus*, и другихъ списковъ нигдѣ не найдено, точно такъ же какъ и новооткрытыхъ драмъ Шекспира въ Англіи и Слова о полку Игоря въ Россіи, а по стариннымъ и непреложнымъ законамъ критики рукописныхъ литературъ достаточно для причисленія открытія, по одной *единственности* списка къ разряду *opera spuria* «незаконно-рожденныхъ произведеній.» Это подлинныя слова упомянутого журнала. Но вотъ что новѣйшія изысканія представляютъ въ пользу подлинной древности «Слова:» г. Г. въ предисловіи къ своимъ Примѣчаніямъ перебравъ все славянскія нарѣчія и находя въ «Словѣ» смѣшеніе кириловскаго и славянскаго, свойственное только нашему языку, заключаетъ, что пѣснь Игорю, есть сочиненіе чисто Русское, по языку своему имѣющее сходство съ лѣтописями XI и XII вѣковъ, что она, объясняемая болѣе полувѣка и понынѣ неопредѣленная можетъ ли почестся, послѣ такого нашего знанія, поддѣлкою и кто могъ поддѣлать произведеніе, въ которомъ не могли

найдти ни одного пятна, измѣняющаго древности событій? Далѣе, говоритъ онъ, что пѣвецъ Игоря былъ безъ сомнѣнія, (по основательному замѣчанію Карамзина), мірянинъ и даже, какъ доказываетъ г. Г., подданный сего Князя; кто бы сталъ сочинять радостныя пѣсни на освобожденіе Игоря изъ плѣна, если не современникъ желающій привѣтствовать своего князя съ счастливымъ возвращеніемъ на лоно родное? Выводя изъ своихъ разысканій, что сочинитель «Слова» жилъ между 1185 и 1307 годомъ, г. Г. полагаетъ, что по кончинѣ Игоря, въ 1202 году, пѣвецъ его вѣроятно остался при его дѣтяхъ Романѣ, Владимірѣ и Святославѣ, что онъ сопутствовалъ имъ въ Галицкое княженіе, гдѣ преслѣдуемый венгерскимъ полководцемъ Бенедиктомъ, пророкоталъ ему проклятіе, въ доказательство этого ссображенія, авторъ Примѣчаній приводитъ слѣдующее мѣсто изъ ~~К~~ыатевской лѣтописи: «Бѣ бо Тимофѣй въ Галичѣ премудрый книжникъ отцество имѣа въ градѣ Кіевѣ, притчею рече слово, о семъ томителѣ Бенедиктѣ, яко гъ послѣдняя времена тремя имены наречется Антихристъ... бѣгаше бо Тимофѣй отъ лица его, бѣ бо (Бенедиктъ) томи-

тель бояромъ и гражданомъ... въ правду бѣ антихристъ за скверная дѣла его.» И. Г. Р. т. I, прим. 134. Вотъ еще мнѣніе извѣстнаго ученаго И. Березина изъ рецензіи, помѣщенной въ Москвитянинѣ 1855 года на переводъ «Слова» г. Гербеля.» Долгое время «Слово о полку Игоревѣ» подвергалось незаслуженному подозрѣнію и со стороны подлинности и со стороны древности и только послѣдніе труды славянскихъ филологовъ заставили умолкнуть скептицизмъ. Но, вопреки общему признанію, одинъ изъ лучшихъ нашихъ ориенталистовъ, разбирая переводъ г. Гербеля, бросилъ въ нынѣшнемъ году защитникамъ «Слова» перчатку, вооруженную къ удивленію, не доказательствами изъ восточныхъ языковъ, а польскою эрудиціей... Важнѣйшимъ доказательствомъ подлинности и древности «Пѣсни о полку Игоревѣ» служатъ многія восточныя слова преимущественно печорскія, встрѣчающіяся въ ней именно подъ тою формою, какая господствовала въ XII столѣтіи, а такъ же слова, которыхъ не только ни какъ не могла придумать ограниченная мудрость позднѣйшихъ ученыхъ, но даже не въ состояніи были объяснить и новѣйшіе

орієнталисты. Точно такъ же, какъ Ханскіе Ярлыки, долгое время считались подложными, точно такъ же какъ современные русскіе переводы Ярлыковъ оказались при тщательномъ разборѣ вѣрными, точно такъ же и турчизмы «Слова о полку Игоревѣ» и современны XII вѣку и въ настоящее время даже для весьма немногихъ понятны. Такъ въ «Словѣ» встрѣчается нѣсколько разъ, подъ разными формами, названіе стали и стального «харалузный», значеніе слова очень ясно, но производство его до сихъ поръ не опредѣлено и не утверждено. Гг. Френъ и Ярцевъ производятъ его гадательно отъ арабскаго «харазъ», «двигаль»; Бутковъ «Турецко-Татарскаго» «харалугъ» булатъ; почтенный мой наставникъ г. Эрдманъ отрицая существованіе подобнаго слова въ турецкомъ языкѣ, единственно соотвѣтствующее видитъ въ турецкомъ словѣ «кара» черный. Всѣ эти предположенія не вѣрны, только Бутковъ близокъ къ истинѣ: дѣйствительно въ татарскомъ языкѣ существуемъ слово: «куруджъ» или «харуджъ», означающее сталь, укладъ) въ чувашскомъ («хорзъ»). Это слово послужило корнемъ для харалуга или харалузя: не имѣя подъ рукою рѣдкаго

команскаго словаря г. Клапрота , я не могу сказать является ли это слово и у Комановъ, (Половцевъ), а если является, то подъ какою формою; можетъ, быть Половцы и употребляли «харалугъ» вмѣсто «хоруджъ», хотя въ этомъ большой важности и нѣтъ: довольно , что корень слова найденъ....»

Предоставляя читателямъ рѣшить: на чьей сторонѣ здѣсь болѣе право разсужденія, я , вмѣстѣ съ тѣмъ, почитаю умѣстнымъ, подвергая эти обстоятельства такъ же безпристрастію и разборчивости г. критика «Библіотеки для Чтенія» , присовокупить и свое личное мнѣніе въ этомъ дѣлѣ.

Соображенія г. Г. мнѣ кажутся весьма близкими къ истинѣ , потому что бардъ Игоря, какъ я заключаю изъ словъ: «а мы , дружина жадни веселія» былъ его дружинникъ — спутникъ въ походѣ; могло такъ же бѣть, что онъ находился съ дѣтьми Игоря въ Галичѣ , но этого изъ Пѣсни не видно. Древность «Слова» подтверждается, какъ по мнѣнію г. Березина, встрѣчаемою въ немъ формою турчизмовъ, такъ и многими русскими словами, которыя даже не часто попадаютъ и въ лѣтописяхъ или вообще въ древнихъ славянскихъ писаніяхъ потому что составля-

ють особенность можетъ быть древнѣйшаго нарѣчія Новгород-Сѣверской области, извѣстную въ наше время подъ именемъ—*провинціализмовъ*. Таковы: *крѡватъ* въ смыслѣ боя или лучше рѣзни, *хоти*, *куры*, (пограничные курени). Тмутороканя и т. п. Но какъ понять выраженіе, что «Слово» крѣпко пахнетъ Оссіаномъ? и что фразы его выкроены по Мекферсону? Гдѣ именно этотъ запахъ поражаетъ эстетическое обоняніе почтеннаго критика? Ужъ не старинныя ли это какія-то *чужеземныя красоты*? Если такъ, то любопытно бы видѣть точное указаніе ихъ, а не темное повтореніе давнишней смутной мысли; такое же указаніе не излишне было бы и на сходство съ Мекферсономъ. Еще непонятнѣе подозрѣніе прилагательнаго *вѣщій* которое употреблено не при одномъ собственномъ «Бояне» (Яне), а такъ же при словахъ персты и струны, слѣдов. принималось не въ единственномъ смыслѣ поэтической, а такъ же въ значеніи хитрый, искусный, какъ примѣнялось оно и къ князю вѣщецу Олегу, за долго до употребленія его пѣвцомъ, а потому нисколько не подозрительно видѣть его въ «Словѣ.» Быстрая Каяла, какъ и Днѣпре слувутицю—

слова чисто народныя: издревле и по нынѣ народная поэзія сохраняетъ выраженія въ этомъ родѣ: «быстрая рѣчинька, добрый молодецъ, красна дѣвица» и проч; злато серебро» такъ же играетъ не послѣднюю роль въ нашихъ пѣсняхъ и вообще прилагательныя составляютъ украшеніе піесъ: *серебренны* пуговицы *побрякиваютъ*, на молодцѣ *смуръ* кафтанъ, *серебреныя* струйки крутой, красный бережокъ, яствы *сахарныя* и проч. составляютъ именно издревле особенность поэтического языка.» Кричатъ тѣлеги полунощныя» неужели эти слова лишь не давно вошли въ составъ русскаго языка? Полуденъе какъ и полунощъ, слова встрѣчаемыя въ древнѣйшемъ нарѣчій, крикъ или кликъ такъ же, а слово тѣлега, справедливо производимое Шемкевичемъ отъ лежанія тѣла, какъ и самый предметъ имъ означаемый, конечно установилось въ древнѣйшія времена: еще вѣщій Олегъ, приступая къ Царю-городу, устроилъ подъ судами колеса. Сочетаніе междометій *о!* или *ахъ!* съ словами разныхъ формъ, впрочемъ не исключительно съ *неопредѣленнымъ* наклоненіемъ и употребленіе мѣстоименій вовсе не есть уроки изъ Цицерона,

Квинтиліана или французскаго языка , а просто средства и богатство нашего народнаго языка въ поэтическихъ сочетаніяхъ; примѣры подтверждающіе это многочисленны въ пѣсняхъ или поговоркахъ, на прим. «идите въ клѣть свою, затворите дверь свою, дондеже гнѣвъ Божій идетъ.» Такія же сочетанія можно найти и въ лѣтописяхъ. И такъ люди, слагавшіе наши пѣсни и поговорки были не причастны изученію иностранныхъ поэтовъ, ораторовъ и языковъ. Конечно, я привелъ примѣры, большею частію изъ позднѣйшаго народно-поэтическаго языка, но они существующіе, скажу, еще разъ *издревле*, разительно противорѣчатъ *иностраннымъ красотамъ* находимымъ безъуказательно въ «Словѣ» и даютъ поводъ заключить, что пѣвецъ Игоря желая дать болѣе выразительности, своей высоко-одушевленной пѣсни, прибѣгалъ, къ нѣкоторой изысканности, весьма свойственной русскому и даже всякому, возникающему языку, но за древностію, теперь для насъ очень темной. Наконецъ, какъ поддѣлать пословицы, столь ярко означающія понятія и обстоятельства того времени, или такія выраженія, какъ на

прим. Владиміръ затыкалъ уши въ Черниговѣ, въ смыслѣ запиранія воротъ, либо выше приведенное слово *крѡвать*, такъ сказать вырванные изъ подъ коренья древняго простонароднаго или областного языка; кажется не возможно, что бы такія выраженія были придуманы и особливо съ такими наставниками какъ Цицеронъ, Квинтиліанъ или французскій языкъ! Единственность списка, принимаемая за одно изъ главнѣйшихъ доказательствъ подлога, при взглядѣ на это обстоятельство съ надлежащей точки говоритъ довольно много и въ пользу подлинности «Слова.» Изъ всѣхъ правилъ есть исключенія, а въ настоящемъ случаѣ онѣ могутъ похвастаться справедливѣйшими; другой списокъ «Слова» донынѣ не найденъ, да едва ли можетъ и оказаться, потому что оно, по сущности своего содержанія не могло попасть ни въ одну лѣтопись, а было достояніемъ поэтическимъ, даже почти сказочнымъ, оттого и оказалось въ сборникѣ, составленномъ изъ статей такого рода, что онѣ служили какому либо любителю чтенія, развлеченіемъ въ свободное отъ дѣлъ время. Въ добавокъ, если вспомнимъ всѣ опустошенія, понесенныя городами и селами

отечества , со времянь Печенѣговъ , до Французовъ съ ихъ союзниками , включительно , то увидимъ , что одинъ только Всевышній Промыслъ , сохранилъ для насъ, тѣ не многіе остатки древнихъ писаній, кои теперь , благодаря просвѣщенному попеченію Правительства и соревнованію частныхъ лицъ, спасены изданіемъ въ свѣтъ отъ истребленія. Вопросъ о языкѣ «Слова» рѣшается отчасти личностію автора, жителя Новгород-сѣверской области. Если , на основаніи моего мнѣнія, впрочемъ уже существовавшего, сочинитель принадлежалъ къ дружинѣ Игоря , то конечно и господствующее нарѣчіе , которымъ онъ выражался въ «Словѣ» принадлежитъ этому же краю земли Русской и это тѣмъ вѣроятнѣе , что упоминаніе языческихъ божествъ , было натурально въ этой, отдаленной отъ Кіева области , гдѣ они , находили еще если не почитателей , то по крайнѣй мѣрѣ вѣрователей въ ихъ силу и вліяніе на дѣла міра сего. Оканчиваю эти соображенія искреннимъ желаніемъ, чтобы почтенный критикъ журнала «Библіотеки для Чтенія» , привелъ вполнѣ свои доказательства о подложности «Слова» , положивъ побѣдоносно конецъ странному спору.

ТЕКСТЪ, ПЕРЕВОДЪ

И ПРИМЪЧАНІА.

Т Е К С Т Ъ.

*по изданію гр. Мусина-Пушкина. М. 1800 г.
съ сохраненіемъ его правописанія.*

Не лѣполи ны бѣшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстѣй о пѣлку Игоревѣ, Игоря Святъславлича! начати же ся тѣмъ пѣснѣмъ по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотѣше пѣснь

-
- (1) Съ выраженіемъ:» старыми словесы» здѣсь соединено понятіе вовсе не о сло- гѣ или складѣ, какъ объясняли почти всѣ гг. переводчики, а намѣреніе начать по- вѣсть старинною поговоркою, существо- вовавшею во время первыхъ усобицъ съ княженія Владиміра І, о 10 соколахъ, подобно коимъ противники нападали другъ

ПЕРЕВОДЪ.

I.

Не лучше ли будетъ намъ, братія, начать стариною (1) унылую повѣсть о походѣ Игоревомъ — Игоря Святославича? (2).

Начать же эту пѣснь по былинамъ сего времени, а не по замыслу (2) Янову! Янъ вѣщій, если кому хотѣлъ пѣснь вос-

на друга въ междоусобіи — и который удалѣе начиналъ битву, тотъ и восхищаль своего князя.

(2) Игорь Святославичъ, въ крещеніи Георгій, родился въ 1151 году, княжилъ сначала въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, а потомъ въ Черниговѣ, скончался въ 1202 году.

(3) Всѣ гг. переводчики усердно въ чтеніи

творити, то растѣкашется мыслію по дереву, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подѣ облакы. Помняшеть бо речѣ пѣрвыхъ временъ усобицѣ; тогда пуцашеть ї соколовъ на стадо лебедѣй, который дотечаше, та преди пѣсь пояше, старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предѣ пѣлкы Касожьскими, красному Романови Святѣславличю Боянѣ же, братіе, не ї соколовъ на стадо лебедѣй пуцаше, нѣ своя вѣщія прѣсты на живыя струны вѣскладаше; они же сами Княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимѣра до нынѣшняго Игоря; иже истягну умъ крѣпостію своею, и поостри сердца своего мужествомъ, на пѣль

имени древняго поэта, точнѣе кажется, разскащика преданій о древнихъ происшествіяхъ, видятъ, слѣдуя чтенію М. Пушкина, какого-то мифическаго Бояна, а г. Н. Полевой называлъ даже Баюна, производя это слово отъ корня глагола баять, тогда какъ гораздо согласнѣе съ дѣйствительностію, по догадкѣ г. Вельт-

пѣть, то разцвѣталъ мысленно кудрявымъ деревомъ, сѣрымъ волкомъ рыскалъ по землѣ, сизымъ орломъ леталъ подъ облаки, помня поговорку первыхъ временъ усобицы, что напускали 10 соколовъ на стадо лебедей, и чей прежде налеталъ, тотъ и восхищаль: или стараго

мана, читать Яна, добраго, (почтеннаго) старца, извѣстнаго по благодарнымъ воспоминаніемъ лѣтописцевъ за сообщеніе имъ древнихъ преданій, кои они вносили на свои пергамены; это тѣмъ вѣроятнѣе, что при чтеніи Бояна вмѣсто Яна употребительнѣйшій у пѣвца союзъ *бо* совершенно уничтожается при этомъ имени. Эпитетъ: «соловію стараго времени» намѣкаетъ, что Яна при Игорѣ въ живыхъ давно уже не было, но память о немъ живо представлялась тогдашнимъ словесникамъ, можетъ быть вмѣстѣ съ другихъ знаменитымъ народнымъ именемъ князя Владиміра Краснаго-солнышка. Трудно лишь опредѣлить къ которому именно Яну относятся похвалы пѣвца, потому что

нився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Пуловѣцкую за землю Русскую. Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое

въ то время былъ знаменитъ не одинъ Янъ. Но какъ этотъ Янъ сказалъ припѣвку внязю Вселаву:» ни хытру и проч. то конечно былъ его современникъ.

(4) Ярославъ I Владиміровичъ, княжившій въ Кіевѣ 1019—1054 года, утвердитель первыхъ писаныхъ законовъ подъ именемъ «Русской Правды», раздѣлившій княжество между 5 сыновьями, съ которыхъ и начинается въ нашей Исторіи періодъ удѣловъ, столь извѣстный внутренними распрями. Нельзя согласиться съ г. Г, полагающимъ, что здѣсь говорится о Ярославѣ Святославичѣ братѣ Олега Тмутараканскаго потому что пѣвецъ тутъ же говоритъ и о Мстиславѣ, съ которымъ Ярославъ I сражался; слѣд. здѣсь идетъ речь именно объ этомъ междоусобіи.

(5) Мстиславъ Владиміровичъ, братъ Ярослава I былъ славенъ въ народныхъ

Ярослава (4), или храбраго Мстислава (5), который зарѣзалъ Редедю передъ полками касожскими или краснаго Романа

преданіяхъ какъ князь богатырь, единоборецъ. Вотъ какъ описано въ Исторіи единоборство его съ Редедей:» Однажды, говоритъ лѣтопись, пошелъ онъ войною на Косоговъ; Касожскій князь Редедя вышелъ къ нему на встрѣчу съ войскомъ и сказалъ ему: зачемъ губить дружину, схватимся мы сами бороться, одолѣешь ты, возьмешь мое имѣніе, жену, дѣтей и землю мою; — я одолѣю возьму все твое. Мстиславъ согласился и стали бороться боролись крѣпко и долго, Редедя былъ великъ и силенъ. Мстиславъ уже началъ изнемогать и видя бѣду, сказалъ: «Пречистая, Богородица помоги мнѣ! Если я его одолѣю, то построю церковь въ Твое Имя» сказавши это онъ ударилъ Редедю объ землю, вынулъ ножъ и зарѣзалъ его, потомъ пошелъ въ его землю взялъ его имѣніе, жену и дѣтей и наложилъ дань на Касоговъ (см. Истор. Россіи

солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя
 воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ
 своей: братіе и дружино! луцежъ бы потяту
 быти, неже полонену быти: а всядемъ,
 братіе, на свои брѣзья комони, да позримъ
 синего Дону. Спала Князю умъ похоти,
 и жалость ему знаменіе заступи, иску-
 сити Дону великаго. Хощу бо, рече,
 кошіе приломити конецъ поля Половец-
 каго съ вами Русици, хощу главу свою
 приложити, а любо испити шеломомъ До-
 ну. О Бояне, соловію стараго времени!
 абы ты сіа плѣкы ущекоталъ, скача
 славію по мыслену древу, летая умомъ

- Соловьева т. 1). Мстиславъ княжилъ сна-
 нала въ Новгородѣ - сѣверскомъ, потомъ
 въ Черниговѣ, умеръ около 1032 года.
- (6) Романъ Святославичъ, сынъ Святослава
 Ярославича, удѣльный Князь Курска,
 убитъ въ ссорѣ съ Половцами 1079 года.
- (7) Отъ стараго Владиміра,» т. е. 1 Свято-
 славича, принявшаго Христіанскую Вѣру,
 любимѣйшаго изъ князей древней рус-
 ской поэзіи. Здѣсь опять нельзя согла-
 ситься съ г. Г, принимающимъ стараго

Святославича (6). Янѣ, братіе, не 10 соколовѣ на стадо лебедей пускалъ, а свои искусные персты на живыя струны налагалъ, и онѣ, быть сами, князьямъ славу играли.

Начнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владиміра (7) до нынѣшняго Игоря, что задумалъ думушку крѣпкую, не сдержалъ сердца ретиваго, воскипя мыслию ратною, навелъ свои храбрые дружины на на землю Половецкую за землю Русскую. Взглянувши на свѣтлое солнце, Игорь увидѣлъ, что оно всѣхъ его воиновъ тьмою покрыло (8) возговорилъ: «братья и дру-

Владиміра за Мономаха, потому что пѣвецъ говоря о Мономахѣ, не придаетъ ему прозванія: «стараго», а называетъ сына Всеволожъ.

(8) Мая въ 1 день, на память св. Пророка Іереміи, въ среду, на вечерни, бысть знаменіе въ солнци и морочно вельми яко и звѣзды видѣти челоуѣкомъ; въ очью яко зелено бѣше и въ солнци учинися яко мѣсяцъ; изъ рогъ его яко уголь жаровъ исхождаше. Ист. Гос. Рос; т. III, прим. 67.

подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы. Пѣти было пѣсь Игореву, того (Олга) внуку. Не буря соколы зане се чрезъ поля широкая; галици стады бѣжать къ дону великому; чили вспѣти было вѣщій Бояне, Велесовъ внуче! Ко-муши ржутъ за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ; стоятъ

- (9) Кажется здѣсь слѣдуетъ читать не шеломомъ но просто шеломъ Дону. т. е. пить на срединѣ рѣки воду, которая всегда бываетъ тамъ чище чѣмъ у береговъ, а либо не означаетъ пріятно, а либо, т. е. либо проѣхавъ все поле цоловецкое и отнявши Тьмутаракань, послѣ трудовъ благополучно напиться воды на шоломѣ Дона, либо положить голову; при томъ пить шеломомъ или шеломъ Дону не означало ли у нашихъ древнихъ князей какого либо освященнаго вѣрованіемъ обычая? на пр при назначеніи границъ это могло значить напиться своей, а не чужой воды; иначе, если бы оно было простое утоленіе жажды, то лѣтописцы не го-

жина! лучше ужь избиту быть чемъ по-
племенному, а сядемъ, братья, на своихъ,
борзыхъ коней, да и за синій Донъ! Пала
на умъ Князя думушка и желаніе засту-
пило мѣсто знаменія испытать Дону ве-
ликаго: хочу, говорилъ онъ, копіе пере-
ломить на концѣ поля Половецкаго съ
вами Русичи, хочу положить свою голову,
а либо испити шеломи Дона! (9)

ворили бы о такомъ маловажномъ обсто-
ятельствѣ. Впрочемъ здѣсь слово шеломи
будетъ ли принято за средину рѣки или
за шлемъ, отъ этого смыслъ не исказится.
Замѣчу только, что слово шеломень
употребляется еще при названіи сре-
дины рѣки или озера Олонецъ. губ. въ:
г. Каргополь. Тамъ иногда говорятъ
лишь вы ѣхали въ озерѣ на шеломень,
вдругъ хватилъ торокъ, (порывистый вѣ-
теръ), чуть лодку не опрокинуло. Шело-
мень замѣняютъ также словомъ — голо-
мень.

(10) «Мчась въ тропу Трояню», аллегорическое
выраженіе пѣвца, подразумѣваетъ не «доро-
гу Трояню» а славныя дѣла Владиміра І,

стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему Буй Туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты Игорю, оба есвѣ Святъславличя; сѣдай, брате, свои брѣзьи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на переди; а мои ти Куряни свѣдоми къ мети, подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конецъ копія възкрѣмлени, пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаемы, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачють акы сѣрыи вѣлци въ полѣ ищучи себе чти, а Князю славѣ. Тогда вѣступи Игорь Князь въ златъ стремянь, и поѣха по чистому полю. Солнце

про которыя Янъ рассказывалъ, свивая такимъ образомъ, славы оба полы сего времени», по пословицѣ будто соколовъ на лебедей напускалъ. Владиміръ, Красное-солнышко, имѣлъ, какъ видно, много прозваній народныхъ: Солнышко, Траянъ, а мнѣ случалось слышать о немъ пѣсню или старину, въ которой припѣвъ ему былъ такой: «Волотоманъ, Князь, свѣтлый Кіевскій!». Здѣсь опять нельзя принять мнѣнія г. Г, полагающаго, что тропа Трояня означаетъ дорогу Римскаго

Ахъ, Янъ, соловей стараго времени! Какъ бы ты эти полки превознесъ, скача соловьемъ мысленно по дереву, летая орломъ поднебесью, сочетавая славу прежнюю съ нынѣшнею! летая по слѣдамъ (т. е. мыслями), Трояна (10) черезъ поля на горы: тебѣ бы было пѣть пѣснь Игорю упомянутаго Ольга внуку. Не соколовъ буря занесла черезъ поля широкія, а галокъ стада бѣжать къ Дону великому или воспѣть (бой съ ними?) вѣщій Яне, внукъ Велеса? Кони ржутъ за Сулою, звонъ славы въ Кіевѣ, трубы трубятъ въ Новѣгородѣ (Сѣверскомъ?), стоятъ знамена въ Путивлѣ, ждетъ Игорь милаго брата Всеволода (11).

императора сего имени: via Трајани, потому что пѣвецъ ни однимъ словомъ не коснулся ни Рима, ни тамошнихъ государей; предметъ его пѣсни: русскіе князья и дѣла ихъ. О Троянѣ, покойный Н. Полевой, весьма основательно заключалъ, что объясненія этого имени надобно искать не у Римлянъ, а на Руси.

(11) Младшій братъ Игоря, княжившій въ Курскѣ, скончался 1196 г; въ супружествѣ имѣлъ дочь князя Глѣба Юрьевича Переяславскаго см. пр. 15.

ему тьмою путь заступаше; ношь стонуши
 ему грозою птичь убуди; свистъ звѣринъ
 въ стазби; дивъ кличетъ врѣху древа,
 велитъ послушати земли незнаемъ, вѣдѣ,
 и по морію, и по Сулію, и Сурожу, и Кор-
 суню, и тебѣ Тьмутараканьскій блѣванъ.
 А Половци неготовами дорогами побѣгоша
 къ Дону Великому; крычатъ тѣлѣгы по-
 лунощы, рци лебеди розпущени. Игорьъ
 къ Дону вои ведетъ: уже бо бѣды его на-
 сетъ птицъ; подобію вѣщи грозу въ сро-
 жать, по яругамъ; орли клеткомъ на кости
 звѣри зовутъ, лисици брешутъ на чръленныя
 щиты. О руская земле! уже за Шеломя-
 немъ еси. Длго. Ночь мркнетъ, заря свѣтъ
 зашала, мѣгла поля покрыла, щекоть сла-
 вѣй успе, говоръ галичь убуди. Русичи
 великая поля чръленными щиты прегоро-
 дѣша, ищучи себѣ чти, а Князю славы.

Съзараня въ пяткъ потопташа поганыя
 плѣкы Половецкыя; и рассушысь стрѣлами
 по полю, помчаша красныя дѣвки Поло-
 вецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и
 драгыя оксамиты; орьтѣмами и яшончицами
 и кожухы начаша мосты мостити по бо-
 лотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякими
 узорочьи Половѣцкыми. Чрълень стягъ,
 бѣла хорюговъ, чрълена чолка, сребрено

Вотъ , говоритъ ему Ярѣ-Турѣ-Всеволодъ :
о Игорь! одинъ ты у меня братъ, одинъ
ты у меня свѣтъ ясный , оба мы Свято-
славичи, сѣдай, братъ, своихъ борзыхъ ко-
ней, а мои тебѣ готовы осѣдланы — впе-
реди у Курска а мои тебѣ Куряне къ
службѣ свѣдуши , подѣ трубами повиты ,
подѣ шлемамъ выросли , концемъ копья
вскормлены , дороги имѣ вѣдомы, овраги
знаемы, луки у нихъ натянуты , сабли
наточены, сами скачутъ какъ сѣрые волки,
ищущи себѣ чести а князю славы. И
вступивъ Игорь въ золотой стремя ,
поѣхалъ по чисту-полю , а солнце тьмою
путь его покрыло; стонущая ночью буря
разбудила хищныхъ птицъ, звѣри со сви-
стомъ рыщутъ по его становищу. Кричитъ
Дивъ въ верху дерева, на поминая о зем-
ляхъ не знаемыхъ: повожьѣ , поморьѣ ,
посульѣ , суружьѣ , Корсуньѣ и тебѣ Тму-
тараканскій болванъ , А Половцы неѣз-
жими дорогами бѣгутъ къ Дому великому,
скрипятъ телеги въ полуночи , сказать
лебеди распущены. Игорь къ Дону ведетъ
воиновъ. Ужъ бѣду его ждутъ птицы хищ-
ныя, будто волки по обваламъ ожидаютъ
грозы, лисицы лаютъ на красные щиты.
О, Русская земля, ты уже за шеломянемъ!

стружіе храброму Святъславличю. Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо далече залетѣло; не былонъ обидѣ порождено, ни соколѹ, ни кречету, ни тебѣ чръный воронъ, поганый Половчине. Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ вѣткомъ; Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чръныя туча съ моря идутъ, хотятъ прикрыти дѣ солнца: а въ нихъ трепещутъ синіи мѣлніи, быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго: ту ся копіемъ приламатѣ, ту ся саблямъ потручати о шеломахъ Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго. О Руская землѣ! уже не Шеломянемъ еси. Се вѣтри *Стрибожи* внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плѣкы Игоревы! земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ; пороси поля прикрывають; стязи глаголютъ, Половци

(12) Характеръ земли дикой, обитаемой кочевниками, а не осѣдлыми жителями—и кажется не очевидецъ не могъ бы сказать о ней такихъ подробностей.

(13) Это презрительное, высоко-поэтичес-

(12). Долгая ночкинька разстиляется; заря, свѣтъ погасла, тьма поля покрыла, пѣнье соловьевъ смолкло, говоръ (воиновъ?) разбудилъ голокъ. Русскіе обширныя поля загородили своими красными щитами ищучи себѣ чести, а князю славы,

Спозаранку въ пятницу, побѣдили нечестивыя полки-половецкіе и разсыпавшись стрѣлами по полю, помчали красныхъ дѣвокъ вражескихъ, а съ ними золото, паволоки и дорогіе оксамиты. Шатрами, кожухами и епанчами мосты намостили по болотамъ и грязнымъ мѣстамъ и всякими пожитками половецкими. Красный стягъ, бѣлая хоругвь, красная челка, серебрянное оружіе храброму Святославичу! Задремало Ольгово храброе гнѣздо далече залетѣвши.... а не было бѣ оно въ обиду дано ни соколу, ни кречету, ни тебѣ черный воронъ безбожный Половчанинъ! (13) Гза бѣ-

кое, при томъ древне-народное выраженіе, вызвано, я полагаю, тѣмъ обстоятельствомъ, что князья пренебрегли осторожностію, т. е. что они немедленно послѣ первой побѣды не возвратились въ Русь.

идуть отъ Дона и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ. Рускыя плѣкы отступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрїи Русици преградиша чрълеными щиты. Ярѣ туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами, гремлеши о шеломахъ мечи харалужными. Камо Турѣ поскочаше, своимъ златымъ шеломахъ посвѣчивая, тамо лежать поганыя головы Половецкыя; поскепаны саблями калеными шеломахъ Оварьскыя отъ тебе Ярѣ Туре Всеволоде. Кая раны дорога, братіе, забывъ чти и живота, и града Чрънигова, отня злата стола, и своя милья хоти красныя Глѣбовны свѣчя и обычая? Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были плѣци Олговы, Ольга Святъславличя. Тѣмъ бо Олегъ мечемъ крамому коваше, и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремя въ градѣ Тьмутороканѣ. Тоже звонъ слыша давный великій Ярославъ сынъ Всеволожь: а Владиміръ по вся утра уши зак-

(14) «Не шеломянемъ еси...» значитъ по ходу боя, что князь, отступая, отъ превосходныхъ силъ половецкихъ, спустились назадъ

жить какъ сѣрый волкъ , а Кончакъ до-
рогу кажетъ къ Дону великому.

Разсвѣтъ другаго дня возвѣстилъ кро-
вопролитіе: идутъ съ моря тучи черныя
хотятъ покрыть четыре солнца , а въ ту-
чахъ блещутъ синія молніи: быть грому
великому идти дождю стрѣлами съ Дону
великаго! Тамъ копьямъ поломаться, тамъ
саблямъ притупиться о шлемы половецкія
на рѣкѣ на Каялѣ у Дона великаго. О,
Русская земля! ужь нѣтъ шеломенни (14).
Вотъ вѣтры Стрибожьивники несутъ стрѣлы
на храбрые полки Игоревы! Земля сто-
нетъ рѣки мутятся, пыль поля искрываетъ,
стяги перекликаются: Половцы устреми-
лись отъ Дона и отъ моря, со всѣхъ сто-
ронъ русскіе полки обступая: дѣти бѣсовы
кликами поля загородили, а храбрые Рос-
сіяне загородили ихъ красными щитами.

Яръ-Туръ-Всеволодъ! стоишь на сторожѣ,
осылаешь враговъ стрѣлами , гремишь о
шлемы мечами булатными. Гдѣ ты проѣ-

съ шеломяни , за которую перешли бы-
ло , какъ сказано прежде: «О, Русская
земле , за шеломянемъ еси!»

ладаше въ Черниговѣ; Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на канину зелену паполому постла, за обиду Ольгову храбра и млада Князя. Сътояже Каялы Святоплкъ повелѣя отца своего между Угорьскими иноходьцы ко Святѣй Софіи къ Кіеву. Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растешеть усобицами; погибашеть жизнь Даждь-Божа внука, въ Княжихъ крамолахъ вѣщи челоуѣкомъ скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть: нѣ часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедіе. То было

(15) «Хоть,» жена, супруга кн. Всеволода, Ольга, дочь кн. Глѣба Переяславскаго и послѣ Кіевскаго, (смот пр. 11).

(16) Олегъ, бывшій съ 1065 по 1114 г. на Тьмутараканскомъ княженіи, потомокъ Рогнеды, супруги Владиміра I, прозванной Гориславою, получившей Полоцкое княжество, извѣстенъ своимъ пылкимъ характеромъ: наводилъ, при видахъ завоеванія Чернигова, Половцевъ и былъ

дешь, золотымъ своимъ шлемомъ посвѣчивая, тамъ лежатъ нечестивыя головы половецкія, посрублены саблями калеными въ шлемахъ аварскихъ тобою, Ярѣ-Турѣ Всеволодѣ! Какія раны, братья, дороги забывшимъ почестъ и богатство и свою милую жену красавицу Глѣбовну? (15) Были вѣчи Трояновы, прошли времена Ярославовы, были полки Олеговы Олега Святославича. Эготъ Олегъ мечемъ крамолу ковалъ и стрѣлами землю усѣвалъ; ступаетъ въ золотой стрѣмень въ городѣ Тьмутараканѣ (16). То же звонъ (мечей?) слышалъ давній великій Ярославъ, (17)

причиною многихъ кровопролитныхъ междоусобій, и про его походы Янъ сохранилъ въ памяти преданія, которыя сообщалъ современникамъ, какъ увидимъ ниже. (17) Здѣсь говорится о Ярославѣ, сынѣ Всеволода Олеговича, княжившемъ въ Черниговѣ 1174 — 1200 г. когда Олегъ Святославичъ, простиралъ виды на Черниговъ.

въ ты рати, и въ ты плѣкы; а сице и рати не слышано: съ зараніа до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя; гримлютъ сабли о шеломахъ; трещатъ копіа харалужныя, въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи. Чръна земля подѣ копыты, костью была посѣяна, а кровію посяна; тугою въздоша по Руской земли. Что ми шумить, что ми звенигъ давеча

(18) Мономахъ, доблестный защитникъ земли Русской отъ Половцевъ и другихъ дикарей, княжившій сначала въ Смоленскѣ, потомъ въ Черниговѣ. Тамъ при борьбѣ съ Олегомъ, закладаль уши городскихъ воротъ, а наконецъ былъ онъ Великимъ Княземъ въ Кіевѣ 1113—1125 г.

19) Борисъ Вячеславичъ союзникъ Олега, былъ убитъ въ сраженіи подѣ стѣнами Чернигова 3 октября 1078 г. и слѣд. такимъ образомъ призванъ на судъ (Божій). Этотъ упрекъ весьма приличенъ отъ современника потому что притязанія Олега и его союзниковъ, вообще были осуждаемы народомъ и лѣтописцами. Истор. Слов. т. II.

(20) Канинымъ назывался лугъ подѣ Черниговымъ.

(21) Съ той же *Каялы*, г. Г. справедливо

а сынъ Всеволода Владиміръ (18) всякое утро закладалъ уши (воротъ?) въ Черниговъ. Бориса же Вячеславица (19), слава на судъ (Божій?) привела и на Канину (20) зелену наполому постлала за Олега, храбраго и молодаго князя.

Съ той же Каялы (Канины?) Святополкъ (21), (Ярополкъ Изяславичъ?) повелъ (22) отца своего между венгерскими ино-

полагаетъ, что должно читать Канины, откуда Святополкъ, т. е. Ярополкъ Новгородскій, убитаго отца своего, В. К. Кіевскаго Изяслава повелъ съ великою честію для погребенія въ Кіевъ, съ Нежатной нивы, мѣста сраженія. Истор. Сол, т. II.

(22) О словахъ: «повелъ я», Н. М. Карамзинъ говорилъ: «издатели не угадали истиннаго смысла сей рѣчи, гдѣ есть описка, повелъ я вмѣсто посѣче я т. е. взялъ.» Правда, что и теперь еще говорится и поется: «мелкій дозжичекъ сбъчетъ», но кажется тутъ нѣтъ ни описки, ни ошибки въ чтеніи М. Пушкина. Слово повелъ я должно принимать не за повелѣніе, а за слово повелъ (онъ повелъ), тогда замѣчаніе объ опискѣ или неясности уничтожится.

рано предъ зорями? Игорь плѣкы заворочаетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другой: третьяго дни къ полуднію падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбрїи Русичи: сваты попойша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо стугою къ земли преклонилось. Уже бо, братіе, не веселая година вѣстала, уже пустыни силу прикрыла. Вѣстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука. Вступилъ дѣвою на землю Трояню, вѣсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону плещучи, убуди жирня времена. Усобица Княземъ на поганыя погыбе, рекоста бо братъ брату: се мое, а то моеже; и начяша Князи про малое, се великое мѣвити, а

(23) Гориславичемъ могъ прозываться Олегъ Тьмутараканскій, см. пр. 16), какъ потомокъ Полоцкой княжны Рогнеды, прозванной при Владимірѣ 1 Гориславою. Усобица же, разсѣвалась тогда князьями Полоцкими, ея потомками, или родичами. Въ

ходцами къ святой Софіи въ Кіевѣ. Тогда при Ольгѣ Гориславичѣ (23.) сѣялась и росла усобица гибла жизнь Дажьбожа внука въ княжскихъ крамолахъ вѣкъ человѣческой коротался: въ Русской землѣ мало земледѣльцы кликали, а больше враны граяли трупы раздѣляя, галки же свою речь вели, летая по объѣдкамъ. То было въ тѣ битвы и въ тѣ походы, а (противъ?) нынѣшней битвы и не слыхано... Спозаранку до вечера, съ вечера до свѣта, летятъ стрѣлы каленыя, стучатъ сабли о шлемы въ полѣ незнаемомъ, посреди земли Половецкія. Мать сыра земля подъ копытами костями была засѣяна, а кровью полита, бѣдою возшла по Руской землѣ. Что мнѣ шумить, что мнѣ звенить давече рано передъ зарями? Игорь полки обращаетъ: жаль ему милаго брата Всеволода; билися

древности, какъ видно, было въ обычаѣ характеризовать князей и вообще людей замѣчательныхъ, особливыми прозвищами: это обыкновеніе между простымъ народомъ и до нынѣ не совсѣмъ выведось.

сами на себѣ крамолу ковати: а поганіи со всѣхъ странъ приходяху съ побѣдами на землю Русскую. О! далече зайде соколъ, птицъ бѣя къ морю: а Игорева храбраго плѣку не крѣсити. За нимъ кликну Карна и Жля, поскочи по Русской земли, смагу мычючи въ пламянѣ розѣ. Жены Рускія въсплакашась аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладѣ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съ глядати, а злата и сребра ни мало того потрепати. А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ на пастьми; тоска разліяся по Руской земли; печаль жирна тече средь земли Рускій; а Князи сами на себѣ крамолу коваху; а поганіи сами побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора. Тѣи бо два храбрая Святъславича, Игорьъ и Всеволодъ уже лжу убуди, которую то бѣше успилъ отецъ ихъ Святъ

(24) При мѣстечкѣ Трипольѣ находился городокъ на горѣ, называемой Дѣвицею); см. Изслѣд. замѣч. и лекц. М. Погодина о Русской Ист. т. 4 стр. 182. Можетъ быть эта мѣстность была близка къ по-

день, бились другой, на третій къ полудню пали стяги Игоревы; тутъто братья разлучились на берегу быстрой Каялы! Тутъ кроваваго вина не достало, тутъ пиръ кончили храбрые Русичи: сватовъ напоили и сами легли за землю Русскую! Жалобно поникла трава, а дерево надсѣдаясь приклонилось ко сырой землѣ!

Тогда уже, братіе, не веселое время настало, ужъ пустыни силу скрыли, возстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука! Вступила Дѣвою (24) на землю Траянову, замахала лебедиными крылами на синемъ море, у Дона плещучи, воротились времена лютыя (25). Союзъ князей противу безбожныхъ прекратился, они говорили другъ другу: то мое и то мое же и начали, князья, за малости большія распри, сими на себя крамолу ковать, а нечести-

граничнымъ куренямъ Тьмутараканской области, откуда Всеславъ Полоцкій наводилъ Половцевъ.

(25) Слово жирно, до сихъ поръ употребляется въ переносномъ смыслѣ: много — жирно будетъ!

славъ грозный Великій Кіевскій. Грозою башеть; притрепеталъ своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую; притопта хлѣми и яругы; взмути рѣки и озеры; иссуши потоки и болота, а поганого Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ Половецкихъ, яко вихрь выторже: и падесе Кобякъ въ градъ Кіевъ въ гриднищѣ Святъславли. Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, каютъ Князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы Половецкія, Рускаго злата насыпаша. Ту Игорьъ Князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло Кощіево; уныша бо градомъ забрамы, а веселіе пониче. А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ: въ Кіевѣ

(26) «Въ пламяннѣ росъ». Когда находитъ туча, предшествуемая вихремъ, народъ въ ожиданіи ударовъ крестясь, говоритъ: «пошли Господи тихую росу и смирную.» Эта поговорка употребляется Олонец. губ. въ г. Каргаполѣ.

(27) Касательно дани, которую собирали разные дикари въ древней Руси, почитаю умѣстнымъ привести, что дань, по бѣлкѣ

выхъ со всѣхъ сторонъ съ побѣдами на-
ликатъ на землю Русскую!

Да! Далеко за летѣль соколъ къ морю,
избивая птицъ, а Игореву храброму полку
не воскреснуть! За нимъ Карна и Жля
наскакали на Русскую землю, разсѣвая
жажду пламенемъ. (26) Жены русскія
зарыдали причитая:» вотъ ужъ намъ
своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смы-
слити, ни думою вздумати ни въ очи
увидѣть, а злата и серебра менѣ того!»
Застоналъ, братья, Кіевъ тоскою, а Чер-
ниговъ напастью: тоска разлилась по землѣ
Русской, потекла кручина по Русской
землѣ, а некристи сами вторгались съ
побѣдами на землю Русскую, собирая дань,
по бѣлкѣ съ двора (27). Они, два храбрые

съ двора была едва ли не легче той, о ко-
торой говоритъ св. Несторъ: «емляху дань
по шлягу отъ дыма,» (щлягъ или шлягъ
совсѣмъ не имѣетъ иностраннаго значенія
шинлинга, какъ объясняли), это просто
шклякъ, большая конская или воловья
бабка, называемая такъ въ отличіе отъ
малой. Этихъ бабокъ по 2 въ ногѣ, слѣдов.
такая дань составляла съ 8 дворовъ ко-

на горахъ си ночь съ вечера одѣвахъте
 мя, рече, чръною паполомою, на кровати
 тисовѣ. Чръпахуть ми синее вино съ тру-
 домъ смѣшено; сыпахуть ми тыщими тулы
 поганныхъ тльковинъ великій женчюгъ на
 лоно, и нѣгуютъ мя; уже дьскы безъ кнѣса
 вмоемъ теремѣ златовръсѣмъ. Всю ночь
 съ вечера босувѣ врани възграяху, у Плѣ-
 сньска на болони бѣша дебрь Кисаню, и
 не сошлю къ синему морю. Иркоша бояре
 Князю: уже Княже туга умъ полонила;
 се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола
 злата, поискати града Тьматороканя, а лю-
 бо испити шеломомъ Дону. Уже соколома
 крыльца прилѣшала поганныхъ саблями, а
 самую опустоша въ путины желѣзны.

рову или лошади Олегъ требовалъ у
 Грековъ дани на ключъ; ключъ значитъ
 у лодки уключина, къ коей прикрѣпляется
 весло. Слова: *шклякъ* и *уклучина* до ны-
 нѣ употребляются Олонец. губ. въ г.
 Каргополѣ. Въ Арханг. губернии уклю-
 чина называется еще *кочетъ*.

Святославичи, Игорь и Всеволодъ , возбудили неправду, которую усыпилъ отецъ ихъ, Святославъ, грозный, великій Кіевскій. Грозенъ былъ, усмирилъ своими сильными полками и булатными мечами; вступивши въ землю Половецкую , сравнялъ холмы съ оврагами , возмутилъ рѣки и озера , изсушилъ потоки и болота , а некрестя Кобяка изъ лукоморья , отъ желѣзныхъ полковъ половецкихъ вихремъ выдернулъ и палъ Кобякъ въ Кіевской гриднищѣ Святославоной! (28).

Тамъ Нѣмцы и Венедичи, Греки и Моравы прославляютъ Святослава , ссуждая Игоря, потопившаго добро на дно Каялы рѣки, русскаго золота насыпавши. Вотъ

(28) Святославъ III, Кіевскій, двоюродный братъ Игоря, ровно за годъ до солнечнаго затмѣнія, въ 1184 г., разбилъ Половцевъ на берегу рѣки Ерели, (Ореля) , взявъ въ плѣнь Кобяка съ двумя сыновьями и другими князьями; отцемъ же названъ здѣсь, какъ старшій въ родѣ.

Темно бо бѣ въ ꙗ́ день: два солнца по-
мѣркости, оба багряная стѣла погасоста,

(29) Вотъ извлеченіе Карамз. изъ лѣтописей
о походѣ, битвѣ и плѣнѣ Игоря; Ист.
Госуд. Рос., т. 3, примѣч. 69,» И тако
идяху тихо, съ бираючи дружину свою;
бяху бо и кони у нихъ вельми тучни
идушимъ же имъ до Донцю рѣцѣ, въ годъ
вечерній, Игорь же възрѣ на небо и видѣ
солнце яко мѣсяцъ, и рече Бояромъ:
видители?... Они же поникоша главами и
рекоша: се есть не на добро. Игорь же
рече: братіе и дружино! тайны Божія
ни кто же не вѣсть, а знаменіямъ творецъ
Богъ, или добро или наше зло, а то намъ
видѣти—и то рекъ перебрѣде Донецъ и
пріиде къ Осколу и жда 2 дни брата....
и поидоша къ Сальницѣ. Ту стороже
пріѣхаша, иже послаша языка ловить и
рекоша: видѣхомся съ ратными (непріа-
телялями) нашими съ dospѣхомъ ѣздятъ;
да или поѣдете борзо, или въворотимся
домовъ... ѣхаша черезъ ночь, завтра
же Пятку наставшу, въ обѣднее время
усрѣтоша плѣкы половецкыя... вежи от-
пустили за ся, и сами стояху на оной

Игорь князь пересѣлъ изъ золота сѣдла
въ сѣдло невольничье! (29)

сторонѣ рѣки Сюурліа. И изрядиша (Русскіе) полковъ 6: Игоревъ полкъ середе, а по праву Всеволожь, а по лѣву Святославль, на передѣ сынъ Володимеръ и другой полкъ Ярославль а третій, на передѣ же стрѣльци, иже бяху отъ всѣхъ князей выведены.... И рече Игорь: братіе сего есь мы искали, а потягнемъ... и яко быша къ рѣцѣ къ Сюурлію и выѣхаша изъ половецкихъ полковъ стрѣльци и пустивши по стрѣль и поскочиша.... Русь же бяху не переѣхали еще рѣкы. Поскочиша же и тѣ Половци, которіи далеко рѣки стояху. Святославъ же Ольговичъ и Володимеръ и Олестинъ и стрѣльци потокоша по нихъ а Игорь и Всеволодъ по малу идясте не распустяця полка своего... Половци же пробѣгоша вежи, а Русь же дошедше вежъ и ополонишася. Далѣе. Прим. 70. Кіев. лѣтопись.» Рече Игорь къ братомъ и къ мужемъ своимъ: Половци всѣ суть съ вокупили: нынѣ поѣдемъ конѣци переберутся, а съ самѣми како намъ Богъ дастъ.» Но пле-

и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ тѣмою ся поволокоста. На рѣцѣ

мянникъ Святославъ Олеговичъ, хотѣлъ отдыха говоря, что лошади и всадники его устали; Всеволодъ думалъ такъ же. Игорь сказалъ, что онъ не боится смерти и согласился ночевать. Въ субботу на разсвѣтъ окружили ихъ Половцы. Рече Игорь: се вѣдаючи съ брахомъ на ся землю всю: и Кончака и Козобурновича, и Токсобича, и Кулобича, и Этебича, и Трѣтробича — и тако угадавше вси съ сѣдоша съ коней хотяху бо біющесе дойти рѣкы Донца; молваху бо: иже побѣгнемъ, утечемъ сами а чръныя люди оставимъ.... умремъ или живы будемъ вси на единомъ мѣстѣ... и придоша біючеса... Уязвиша Игоря въ руку и умъртвиша шюйцу его... и Воеводу имяху: тотъ напередъ уязвенъ бысть... и тако бишася до вечера... Бысть же свитающей недѣли, възмятошася Коуеве, побѣгоша, Игорь же бѣше на конѣ, зане ренень... и хотя възворотити ихъ... съимя шеломъ, что быша познали князя, възворотились быша... Токмо Михалко Гюргевичъ възворотись:—не бяху бо добри

II.

Уныли городскія стѣны, радости по-
никли! А Святославъ (30) странный сонъ

и смялися Ковуѣ, но мало отъ простыхъ
или кто отъ отрокъ боярскихъ: добріа
бо вси біяхуся идучи пѣши и посреди
ихъ Всеволодъ... и ту яша (Игоря въ
плѣнъ) на единъ перестрѣлъ одалъ полку
своего... Игорь же видѣ брата крѣпко
борющася и проси души своей смерти,
яко дабы не видѣлъ паденія брата... Біа-
хуся идущи вокругъ при озерѣ... и тако въ
день Воскресенія наведе на ны плачь и
жалъ на рѣцѣ Каялы. Рече бо дѣй, (витязь,
замѣчаетъ Карамзинъ), Игорь: помянухъ
азъ грѣхы своа, яко много убійства ство-
рихъ въ землѣ христіанстѣй: взяхъ на
щитъ городъ Глѣбовъ у Переяславля... и
се нынѣ вижу отмѣстіе отъ Господа... по
что азъ одинъ повинный не пріахъ стра-
сти?... Разведени быша и пойдѣ каждо
во своя вежи. Игоря же бяху Тарголовъ
мужъ Чилбукъ а Всеволода Романъ князь,
а Святослава Олеговича Ельдючюкъ Въ
вобуръчевичъ, а Володимера Копти Ула-
шевичъ. Тогда же на полчищи Кончакъ

на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской
земли прострошася Половци, аки пардуже

поручися по свата, (будущаго), Игоря,
за не бѣше раненъ. Отъ толикихъ же
людей мало ихъ избысть.... не бѣше бо
лзѣ утечи, за не яко стѣнами сильными,
такое огорожени бяху полки Половецкими.
Но нашихъ Руси съ 15 мужъ утекши, а
Ковуевъ мнѣе, а прочіи въ морѣ (Азов-
скомъ?) истопоша.» Еще Прим. 73. Игорь
же бѣше въ Половцѣхъ.... они же акы сты-
дящися Воеводства его не творяху ему
ни чтоже, но приставиша ему 15 сторо-
жевъ отъ сыновъ своихъ, а господичевъ
5... а своихъ слугъ 5 или 6 съ нимъ
ѣздяше.... сторожеве же слушаху его....
и попа бѣше привелъ къ себѣ изъ Руси..
творяшется, (думая), тамъ долго быти; но
избави Господь за молитву христіанскую,
имъ же мнози печаловахусь.... съ нимъ
бо были тысяцкаго сынъ и конюшій
его....» проч. Слуги Игоревы говорили ему
что Половцы, возвратившіеся отъ Пе-
реяславля намѣрены убить ихъ всѣхъ
и князей. Потомъ:» Посла Игорь къ Лав-
рови конюшаго река: переѣди на ону

видѣлъ: ночь на горахъ Кіевскихъ; съ вечера одѣвали меня, говорилъ, чернымъ

сторону съ конемъ поводнымъ.... Половци напилися бѣше комуза.... конюшій повѣда, яко ждетъ его Лаверь, Сей вставъ ужасень и трепетенъ, поклонися образу Божію въземъ на ся Крестъ и Икону поднемъ со стѣны.... сторожемъ же играющимъ и веселящимся, а князя творяще спяща.... и проидоста сквозѣ вѣжа. Сеже сотворити Богъ въ Пятокъ вечера и иде 11 день до города Донца и оттолѣ въ свой Новгородъ, и обрадовашася ему. Изъ Новагорода иде къ Чернегову, помощи прося на Посемье. Ярославъ же обѣща....Игорь поѣха къ Кыеву и радъ бысть ему Святославъ и Рюрикъ свать его.» Древній городъ Донецъ, продолжаетъ Карамзинъ, былъ не далеко отъ впаденія рѣки Хорокова въ Уды (см. Б. черт.) и принадлежалъ или къ Курской или къ Переяславской области. Татищевъ пишетъ, что Половцы требовали за Игоря 2000 гривень окупа, за двухъ князей по 1000 за воеводъ по 200, что Игорь бѣжалъ самъ-пять съ Лавромъ и за 20

гнѣздо, и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть Хинови. Уже снесся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже връжеса дивъ на землю. Се бо Готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю. Звоня Рускымъ златомъ, поютъ время Бусово, делѣютъ мѣсть Шароканю. А мы уже дружина жадни веселія. Тогда Великій Святславъ изрони злато слово слезами смѣшено, и рече: о моя сыновчя Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нѣ нечестно одолесте: нечестно бо кровь поганую проліясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ бую-

версть до Новгорода вывихнулъ себѣ ногу, что княгиня съ вельможами встрѣтили его въ селѣ св. Михаила, что онъ сдѣлалъ Лавра бояриномъ и женилъ его на дочери тысяцкаго Рагуйла и проч.» Наконецъ Прииде (въ 1187 г.) Володимеръ изъ Половецъ съ Кончаковою и створи сватбу Игорьъ сынови своему и вѣнчаша его и съ дѣтятемъ. Татищевъ пишетъ, что братъ Игоревъ Всеволодъ, обѣщалъ прислать Половцамъ 200 гри-

покрываломъ на тесовой кравати, подносили мнѣ синѣе вино мутное, сыпали мнѣ изъ порожнихъ туловъ поганыя раковины съ крупнымъ жемчугомъ (31) на постелю и убаюкивали меня, а доски безъ князька въ моемъ теремѣ злато-верхомъ. Всю ночь съ вечера *бусовы* (32) вороны граяли, у Плъсньска (33) на выгонѣ выросла дебрь Кисаня и не сошли къ синему морю,»

И сказали бояре князю: о, князь, ужь тоска умомъ овладѣла! Вотъ два сокола слетѣли съ отеческаго золотого стола взять Тмутаракань а либо испить шелома Дона. Ужь соколамъ обрубилъ крылья некрести саблями, а симихъ заковали въ цѣпи

вень серебра или 200 ихъ плѣнниковъ. Добавлю, что показанія Татищева, какъ замѣчаетъ и Карамзинъ, очень часто не имѣютъ основанія.

(30) Святославъ Кіевскій; см. пр. 28.

(31) Видѣтъ воснѣ жемчугъ и мутное вино къ несчастію, см. сонники.

(32) Бусъ и Кисанъ были половецкіе предводители; слѣдов. Святославу видѣлось что Половцы, принадлежащіе симъ предводителямъ, поселились въ Кіевской области или покрайнѣй мѣрѣ ворвались въ нее.

(33) Городъ Галичскаго княжества.

сти закалена. Се ли створисте моеѣ сребреней сѣдинѣ! А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго и многовои брата моего Ярослава съ Черниговьскими былями, съ Могуты и съ Татраны и съ Шельбиры, и съ Топчакы и съ Ревугы, и съ Ольберы. Тѣи бо бес щитовъ съ засапожники кликомъ плѣкы побѣждають, звонячи въ прадѣдную славу. Нѣ рекосте мужаимѣся сами, преднюю славу сами, похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ. А чи диво ся братіе стару по молодити? Коли соколъ въ мытѣхъ бываетъ, высоко птицѣ възбиваетъ; не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Нѣ се зло Княже ми не пособіе; на ниче ся години обратиша. Се Уримъ кричатъ подъ саблями Половецкыми, а Володи-

(34) Святославъ племянникъ Игоря; а имя Олега почитается здѣсь опискою вмѣсто Владиміра; но Карамзинъ замѣчаетъ. (т. III, пр. 69), что въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописей, упоминается о двухъ сыновьяхъ Игоря; дѣйствительно, кромѣ Владиміра, у него былъ еще сынъ — Олегъ — Павель.

(35) Готѣскія дѣвицы — здѣсь вѣроятно го-

желѣзныя; темно было въ третій день: два солнца померкли оба багряные столпа погасли и съ ними молодые мѣсяцы Олегъ и Святославъ (34.) сами себя омрачили на рѣкѣ Каялѣ. Тьма свѣтъ покрыла: по Русской землѣ простерлись Половцы, какъ леопардовъ гнѣздо и въ море погрузили и великую смѣлость дали хану; смѣнилась хула на похвальбу, (тьмотороканскому болвану?): упалъ Дивъ на землю. Вотъ готскія красныя дѣвушки воспѣли на берегу синему морю звоня русскимъ золотомъ: поютъ время Бусово, призываютъ мечь Шарокану (35) а мы, дружина, желаемъ веселья! (36) И вотъ великій Святославъ сказалъ золотое слово, слезами смочено: о, мои дѣточки, Игорь и Всеволодъ! Ранѣ

ворится о южно-русскихъ обитательницахъ, которыя вспоминая о побѣдѣ Мономаха надъ Бусомъ и окупъ, взятомъ съ половецкаго города Шароконя въ 1, III году, призываютъ возвращеніе этого времени.

(36) «Мы дружина»; не показываетъ ли это выраженіе, что авторъ «Слова» принадлежалъ къ сей кастѣ?

миръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову. Великій Княже Всеволоде! не мыслію ти прилетѣти издалеча отня злата стола поблюсти? Ты бо можеші Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломи выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы Чага по ногатѣ, а Кощей по резанѣ. Ты бо можеші посуху живыми шереширы стрѣляти удалыми сыны Глѣбовы. Ты буй Рюриче и Давыде, не ваю ли злачеными шеломи по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемѣ? Вступита Господина въ злата стремянь за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Свят-

(37) Н. М. Карамзинъ слово *цвѣлѣть* указывать въ наречіяхъ Богемскомъ и Польскомъ; но это слово перешедъ въ «кливить» употребляется еще въ нашихъ провинціяхъ: въ Каргополѣ Олонецкой губерніи говорятъ за чѣмъ» разкливилъ» или «кливить» ребенка.

(38) Ярославъ, Черниговскій, княжившій, тамъ 1174—1200 г.

начали притомлять (37), мечами землю Половецкую, а себѣ искать славы! Да несчастно одолѣли, несчастно кровь нерешенныхъ пролили: ваши храбрыя сердца изъ стали скованы, а удалю закалены: этоли готовили моей серебрянной сѣдинѣ? Ужъ не вижу власти сильнаго, богатаго и многовои брата моего Ярослава (38) съ черниговскими Былями, Могутами, Татранами, Топчаками, Ревугами и Ольберами безъ щитовъ съ засапожными ножами кликами полки побѣждаютъ, гремя прежнею славой; но вы сказали: вооружимся сами, будущую славу сами себѣ снисчемъ, а прежнюю, сами себѣ присвоимъ! Да не диво ли, братцы, помолодѣть старцу? Когда соколъ на добычѣ бываетъ высоко птицъ загощаетъ—не дастъ гнѣзда своею въ обиду!

Но вотъ зло: князья, не помогши мнѣ, прежнее время воротили. Вотъ у Римъ (39) кричатъ подъ саблями половецкими а Владиміръ подъ ранами, скорбь и тоска

(39) Римъ нынѣ Ромны, уѣздный городъ Полтавской губерніи.

славлича! Галичкы Осмомыслъ Ярославѣ
высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ
столѣ. Подперъ горы Угорскыи своими
желѣзными плѣки, заступивъ Королеви
путь, затвори въ Дунаю ворота, меча вре-
мены чрезъ облаки, суды ряда до Дуная.
Грозы твоя по землямъ текутъ; отворяеши
Кіеву врата; стрѣляеши съ отня злата
стола Салтани за землями. Стрѣлай Гос-
подине Кончака, погананаго Кощея за землю
Рускую, за раны Игоревы буюго Святслав-
лича. А ты буй Романе и Мстиславе! хра-
брая мысль носить васъ умъ на дѣло.

- (40) Владиміръ Глѣбовичъ, родный братъ
супруги Всеволода, будучи раненъ при
защитѣ Переяславля, не могъ подать
помощи своимъ подданнымъ — жителямъ
Римъ.
- (41) Всеволодъ сынъ Олега Святославича
Тьмутараканскаго.
- (42) Дѣти Глѣба Ростиславича Рязанскаго
Романъ, Игорь и Всеволодъ; они нахо-
дились болѣе или менѣе подъ вліяніемъ
князя Всеволода Георгіевича, надѣлив-
шаго ихъ отчинами.

сыну Глѣбову (40). Великій князь Всеволодъ! (41). И не думаешь, ты прилетѣть издалече отеческій золотой столъ охранить; ты вѣдь можешь Волгу веслами раскропить, а Донъ шлемами вычерпать. Если бы ты былъ, то была бы дикая дѣвочка по ногатѣ, а плѣнникъ по резанѣ; ты можешь живыми шереширами стрѣлять удалыми сыновьями Глѣбовыми! (42).

Вы, храбрые, Рюрикъ и Давыдъ! (43). Не ваши ли золоченые шлемы въ крови плавали? Не ваши ли храбрые дружины кричатъ какъ волы, раненые саблями калеными, въ полѣ не знаемомъ? Ступите государи, въ золотой стремя, за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, храбраго Святославича!

Галицкій Осмомысль Ярославъ! (44) Высоко сѣдишь на своемъ златокованомъ столѣ, подпирая горы Карпатскія своими желѣзными полками, заступая королю путь, владѣя теченіемъ Дуная, бросаешь времена чрезъ облаки; грозы твои по землямъ прошли. Твое мудрое мо-

(43) Сыновья Ростислава Мстиславича.

(44) Ярославъ, сынъ Владиміра Володарича Галицкаго, — тестъ Игоря, (см. пр. 54).

Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи папорзи подѣ шеломи латинскими. Тѣми тресну земля, и многи страны Хитова. Литва, Ятвязи, Деремела, и Половци сулици своя поврѣгоща, а главы своя поклониша подѣ тѣи мечи харалужныи. Нѣ уже Княже Игорю, утрпѣ солнцю свѣтъ,

(45) Романъ слылъ грознымъ бичемъ окрестныхъ варваровъ: Половцевъ, Литвы Ятвяговъ, добрымъ сподвижникомъ за Русскую землю, достойнымъ наследникомъ прадеда своего Мономаха! «онъ, стремился на поганныхъ какъ левъ», говоритъ народное, поэтическое преданіе, сердитъ былъ какъ рысь, губилъ ихъ какъ крокодилъ, перелеталъ земли ихъ какъ орелъ и храбръ онъ былъ какъ туръ, ревновалъ дѣду своему Мономаху. Онъ старался приучать всѣхъ къ земледѣлію и вотъ осталась поговорка, сохраненная лѣтописями:», Романъ, Романъ! худымъ живешь, Литвой орешь! Что касается до Мстислава, брата Романова, то онъ извѣстенъ геройскою защитой

гущество знаемо: отворяешь ворота къ Кіеву, поражаешь съ отческаго золота-стола султана за землями; стрѣлай, государь, Кончака некрещенаго, за землю Русскую, за раны Игоревы, храбраго Святославича!

А вы, храбрые, Романъ и Мстиславъ! (45) Высокая мысль носить вашъ умъ на дѣло, высоко парите въ дѣлѣ храбрости, какъ соколы на вѣтрахъ ширяетесь, гоняясь быстро за птицею. Увасъ желѣзные папоротки подъ шлемамъ латинскими, отъ нихъ трепетала земля и многія страны Хана: Литва, Ятвяги, Деремела и Половцы, сулицы свои повергли и головы преклонили подъ тѣ то мечи харалужные!

Но вотъ уже, князь Игорь, охладѣлъ солнца лучъ, а дерево не по добру листья обронило: по Рси и по Сулѣ города подѣлили а Игореву храброму полку не воскреснуть! Донъ тебя, князь, кличетъ и зоветъ князей на побѣду: Ольговичи, храбрые князья, полетѣли на брань!

Вышгорода отъ союзныхъ войскъ Боголюбскаго (см. Истор. Солов. т. 2).

а древо не бологомъ листвіе срони: по Рсіи, по Сули гради подѣлиша; а Игорева храбраго плъку не крѣсити. Донѣ ти Княже кличетъ, и зоветъ Князи на побѣду. Ол-

(46) Н. М. Карамзинъ полагаетъ, что здѣсь говорится о потомкамъ Мстислава, сына Мономахова; а г. Г. почитаетъ ихъ сыновьями Ярослава Изяславича.

(47) Всеславъ князь Полоцкій, не милосливый на кровопролитіе, о которомъ шла молва, что рожденъ былъ отъ волхвованья. Еще при жизни Ростислава, быть можетъ, пользуясь тѣмъ, что вниманіе дядей обращено было на югъ, началъ враждебныя дѣйствія: въ 1061 году осаждалъ онъ безуспѣшно Псковъ; въ 1066, по примѣру отца, подступилъ подъ Новгородъ, полонилъ жителей, снялъ и колокола у св. Софіи, «велика была бѣда въ тотъ часъ,» прибавляетъ летописецъ «и паникадила снялъ»; послѣ этого Ярославичи дрались съ нимъ на Немизѣ и побѣдили его, это было зимою. Потомъ, лѣтомъ, Въ Іюлѣ мѣсяцѣ Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ послали звать Всеслава къ себѣ на переговоры, поцѣловавши крестъ, что не сдѣлають ему зла. Онъ

Ингварь и Всеволодъ и всѣ три Мстиславичи (46) не худа гнѣзда ясны соколы, непобѣдимымъ жребіемъ себѣ власть пріобрѣтшіе! Гдѣ ваши золотые шлемы, сулицы ляцкіе и щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами, за землю Русскую, за раны Игоревы, храбраго Святославича!

Ужъ Сула не течетъ серебрянными струями къ городу Переяславию и Двина, болотами течетъ къ нимъ, грознымъ Полочаномъ, подъ властью нечестивыхъ! Одинъ Изяславъ, сынъ Васильковъ, рубилъ своими острыми мечами шлемы литовскіе удерживая славу дѣда своего Всеслава (47), а самъ, не укрывшись подъ красными щитами, обагрилъ траву кровью подъ мечами литовскими и извергная

повѣрилъ, пореѣхалъ Днѣпръ, вошелъ въ шатеръ Изяслава, и былъ схваченъ. Изяславъ привелъ его въ Кіевъ, и по совѣту Святослава посадилъ въ заключеніе вмѣстѣ съ двумя сыновьями. Около того же времени явилась на небѣ звѣзда, солнце стало какъ мѣсяцъ, изъ рѣки Сѣтомли вытащили рыболовы страшнаго

говичи храбрыи Князи dospѣли на брань. Инъгварь и Всеволодъ , и вси три Мстиславичи , не худа гнѣзда шестокрилци , непобѣдными жребіи себѣ власти расхытисте? Кое ваши златыи шеломи и сулицы Ляцкіи и щиты! Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Русскую , за раны Игоревы буюго Святъславлича. Уже бо Сула не течеть серебряными струями къ граду Переяславлю , и Двина болотомъ течеть онымъ грознымъ

урода; не къ добру все это , говорилъ народъ , и вотъ пришли иноплеменники Узы, Команы или Половцы , народъ татарскаго происхожденія и языка, они заняли мѣсто Печенѣговъ. Во время этихъ смуть , происходившихъ у Всеслава съ другими князьями, именно въ 1068 году, ему удалось было овладѣть столомъ Кіевскимъ , это подразумѣвается у пѣвца въ выраженіи:» бросилъ Всеславъ жребій , (отчину?) о дѣвицу ему любу». т. е. для вѣнца Мономахова. Сей князь скончался въ 1101 году.

(48) Въ выраженіи» исхоти ю на кровать неозначаетъ одра или ложа , какъ объясняли гг. переводчики , потому что мѣстоименіе ю, (ее), относится къ крови;

ее въ кровотокъ (48), сказалъ:» (самъ себѣ?) дружину твою, князь, птицы крыльями одѣли, а звѣри кровь ее полизали. Не было тутъ брата Брячислава, ни другаго Всеволода: одинокъ выронилъ жемчужную душу изъ храбраго тѣла, черезъ золотое ожерелье. Трубы трубятъ Городенскія! (49)

слѣд. кровать означаетъ здѣсь или мѣсто жаркихъ схватокъ въ битвахъ или вообще кровопролитное сраженіе. Слово это, вѣроятно, принадлежало къ областному сѣверскому нарѣчію и произносилось съ удареніемъ не на *а*, какъ выговаривается кровать (ложе), у пѣвца тесовая, а на *о* крѡвать, — рѣзня. Это замѣчательное слово, теперь дикое и едва понятное по самому свойству своему принадлежитъ къ древнѣйшимъ и ясно, что оно имѣло *подвижное* удареніе, какъ слово *тѹга* въ смыслѣ скорби; между тѣмъ это же слово въ другомъ мѣстѣ употреблено за прилагательное:

«Спѣла тетива у *тѹга* лука,

Взвыла да пошла калена стрѣла!»

(49) Мѣстечко Городно, гдѣ княжилъ Изяславъ Васильковичъ, существуетъ и нынѣ

Полочаномъ подъ кликомъ поганныхъ. Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ позвоши своими острыми мечи о шеломи Литовскія; притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскими мечи. И схоти ю на кровать, и рекъ: дружину твою, Княже, птицъ крылы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша. Не бысь ту брата Брячяслава, ни другаго Всеволода; единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чресь злато ожереліе. Унылы голоси, пониже веселіе. Трубы трубятъ Городеньскіи. Ярославѣ, и вси вѣнцѣ Всеслави уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи верезени; уже бо выскочисте изъ дѣдней славы. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславию. Которое бо бѣше насиліе

въ Пинскомъ уѣздѣ Минской губерніи, между рѣками Стирью и Горынью.

(50) Все это будетъ очень ясно когда припомнимъ обстоятельства, при которыхъ Всеславъ прямо изъ тюрьмы, (15 сентября 1068 г), Кіевскимъ вѣчемъ былъ поставленъ въ Кіевѣ, среди двора княженецкаго, т. е. провозглашенъ княземъ, и когда

Ярославъ, и всѣ внуки Всеславовы, преклонили стяги свои, вложили свои мечи притупленные, лишась славы дѣдовской! Вы, своими крамолами, начали наводить нечестивыхъ на землю Русскую, — жизнь Всеславу: оно то и было насиліемъ отъ Половцевъ!

На седьмомъ вече Трояновомъ покинулъ Всеславъ свой жребій, (княженіе?), для дѣвицы ему милой: онъ поднялся на хитрость въ коняхъ, и уѣхалъ къ городу Кіеву; достигши оружіемъ золотого стола кіевскаго (50), поскакалъ отъ нихъ; (вѣчей трояновыхъ?) лютыхъ звѣремъ въ полночь изъ Бѣлгорода, когда нависла синяя лигла, утромъ же вонзилъ стрикусы отворивши ворота Новгороду, перешибъ славу Ярослава, поскакалъ волкомъ до Немиги съ Дудутокъ. (51) Не Немигѣ снопы замѣ-

послѣ 5 мѣсячнаго княженія. весною 1069 г. долженъ былъ бѣжать отъ Кіевлянъ изъ Бѣлгорода въ Полоцкъ. (Истор. Солов. т. 2).

(51) Мѣстонахожденіе Немиги и Дудичей полагаютъ Минской губ. въ Игуменскомъ повѣтѣ, недалеко отъ вершины Нѣмана Изсѣдованія, М. П. т. 4.

отъ земли Половецкыи! На седьмомъ вѣцѣ
Трояни врьже Всеславъ жребій о дѣвицю

(52) Куръ объясняли различнымъ образомъ; но ясно что это слово здѣсь значитъ: дымъ, курень, (жилъе); въ козачинѣ были ата-маны куренные. На основаніи этого мѣста г. Спасскій оспаривалъ даже мѣстонахожде-ніе Тмутараканя на островѣ Таманѣ, ука-зывая оное гдѣ либо около Кіева, ибо между прочими его возраженіями есть и то, что не возможно было Всеславу изъ Кіева до-ѣхать менѣе чѣмъ въ ночь до Тмутараканя и что слѣд. сей городъ находился въ бли-зи Кіева а не на Таманѣ. Тмутаракань въ древней Россіи могла быть и не одна, какъ было нѣсколько Новгородовъ, Переяслав-лей и пр.; но возраженіе г. Спасскаго ни-чего не доказываетъ потому что здѣсь и не говорится чтобы Всеславъ ѣздилъ въ самый Тмутаракань, а именно до куръ его, т. е. до пограничныхъ съ Кіевскою областью кочевьевъ или жилищъ, вѣроя-тно для возбужденія Половцевъ къ войнѣ; это подтверждается и словами:» великому Хрѣсови путь прерыскаше», т. е. онъ ѣздилъ по границѣ Тмутараканскаго княженія по куренямъ, для разсылки вѣстей благопріятствовавшимъ ему по-

няють головами, молотять цѣпами булатными, на току жизнь кладутъ и вѣютъ

ловецкимъ ханамъ; такъ онъ перерыс-
кивалъ дорогу Тьмутараканской области,
которую пѣвецъ Игоря обозначилъ Хор-
сомъ, и не лѣзя сомнѣваться, чтобы до
границъ Тьмутараканскаго княжества не
можно было доѣхать въ ночь, ибо
они не далеко отстояли отъ Кіева по
всѣмъ свидѣтельствамъ. Поэтому Хорсъ,
Корсъ, или, какъ въ лѣтописи св. Дмитрія
Ростоваго, Корша, — у язычниковъ по-
читался за покровителя или охрани-
теля границъ. Но, въ послѣднее время,
мѣстонахожденіе Тьмутараканя на Та-
манѣ, подкрѣпилось очень сильнымъ
доказательствомъ, подтверждающимъ до-
стовѣрность. что въ 1068 году кн. Глѣбъ
мѣрять море по льду, оставя свидѣтель-
ство о измѣреніи извѣстнымъ Тьмутара-
канскимъ камнемъ, найденнымъ гр. Му-
синнымъ - Пушкинымъ на Таманѣ. Объ
этомъ камнѣ, противники его достовѣр-
ности между прочимъ говорили, что Глѣбу
не возможно было мѣрять море по льду,
потому что оно тамъ не замерзаетъ; но
не давно, извѣстный русскій путешест-
венникъ г. Чихачевъ подтвердилъ, что

себѣ любу. Тѣмъ клюками подпрѣся о кони, и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружѣмъ злата стола Кіевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плѣночи изъ Бѣла-града, обѣсися синѣ мѣглѣ, утрѣ же воззни стрикусы оттвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославову, скочи влѣкомъ до Немиги съ Дудутокъ. На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чеши харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костями Рускихъ сыновъ. Всеславъ Князь людемъ судяше, Княземъ, грады рядяше, а самъ въ ночь влѣкомъ рыскаше; изъ Кыева дорискаше до Куръ Тмутороканя; великому хрѣсови влѣкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотскѣ позвониша заутреннюю рано у Свѣтыя Софеи въ колоколы: а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей Бо-

понтъ Евксинскій и Пропондида замерзали между прочимъ въ 1068 г. (Свѣд. пчел 1855 г. № 115), въ томъ самомъ, когда Глѣбъ, смѣрявъ, написалъ на камнѣ:» въ лѣто 6576 (1068) индикта 6. Глѣбъ князь мѣрилъ море по леду, отъ Тмуторокани до Кръ-

душу отъ тѣла. Кровавые берега Немиги не хлѣбомъ были засѣяны: засѣяны костями русскихъ людей!

Всеславъ князь народы судилъ, князьямъ города раздавалъ, а самъ въ ночь волкомъ рыскалъ, изъ Кіева добѣгалъ до куръ, (пограничныхъ куреней?), Тмутараканскихъ, великому Хорсу волкомъ дорогу перебѣгивалъ (52). Ему въ Полотскѣ позвонили за утрени рано у св. Софіи, въ колоколы, а онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ: хоть и хитрая душа въ иномъ тѣлѣ, но часто отъ бѣдъ страдаетъ! Ему то вѣщій Янъ и начальную припѣвку угадчиво сказалъ: ни хитру, ни горазду, ни птицы проворну, суда Божія не минуть!

О, стонать Русской землѣ, вспоминая старые годы и первыхъ князей! Того стараго Владиміра нельзя было приковать къ горамъ Кіевскимъ; стяги его стали одни Рюриковы, а другіе Давыдовы (53); но

чева 10.000 и 4000 сажень (т. е. 14,000),
См. Письмо о камнѣ Тмутор.

(53) Рюрикъ .11, Ростиславичъ, княжившій въ Кіевѣ 1194 — 1211 г. Давидъ Смоленскій братъ Рюрика.

янь и прѣвое припѣвку смысленный рече:
 ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду,
 суда Божіа не минути. О! стонати Руской
 земли, помянувшє прѣвую годину, и прѣ-
 выхъ Князей. Того стараго Владиміра не
 лѣзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ:
 сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а
 друзіи Давидовы; нѣ рози нося имъ хоботы
 пашуть, копіа поють на Дунаи.

Ярославнынѣ гласъ слышитъ: зєгзицею
 незнаемъ, рано кычетъ: полечу, рече, зєг-
 зицею по Дунаєви; омочю бєбрянѣ рукавѣ
 въ Каялѣ рѣцѣ, утру Князю кровавыя его
 раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ. Ярославна
 рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, арку-
 чи: о вѣтрѣ! вѣтрило! чему Господине на-
 сильно вѣеши? Чему мычєши Хиновьскыя
 стрѣлки на своею не трудною крилцю на
 моя лады вой? Мало ли ти бѣшетъ горѣ
 подѣ облакы вѣяти, лєлѣючи корабли на
 синѣ море? Чему Господине мое веселіє по-
 ковылію розвѣя? Ярославна рано плачетъ
 Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: о

рога (стяговъ?) сихъ носясь хоботами раз-
вѣваются, копья стучать на Дунаѣ.

Ярославны (54) голосъ слышень , ку-
кушкою печально рано кличетъ: полечу ,
поеть, кукушкою по Дунаю , обмочу бра-
ный рукавъ въ рѣкѣ Каялѣ , обмою кро-
вавыя раны князя, на его мужественномъ
тѣлѣ!

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на
оградѣ, причитая: о, вѣтеръ , вѣтерочикъ!
за чѣмъ ты сильно вѣешь , за чѣмъ не-
сешь ханскія стрѣлки, на своихъ легкихъ
крылышкахъ, въ моихъ милыхъ! Мало ли
тебѣ высоты , вѣять по поднебесью , но-
ся корабли на синемъ морѣ?

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на
стѣнѣ , причитаючи: о , Днѣпръ велича-
емый! Ты пробилъ каменные горы сквозь
землю Половецкую , ты посилъ на себѣ
лоды Святославовы до полковъ Кобяковыхъ,
принеси, ты, ко мнѣ моего милаго , что-
бы не слать къ нему слезъ на море ра-
нешенько!

князя Ярослава Владиміровича Галицка-
го (см. пр. 44).

Днепре словутицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты делѣялъ еси на себѣ Святослави носады до плѣку Кобякова: възлелѣй господине мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано. Ярославна рано плачетъ къ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: свѣтлое и тресвѣтлое слѣнце! всѣмъ тепло и красно еси: чему господине простре горячую свою лучю на ладѣ вои? въ полѣ безводнѣ жажду ю имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче.

Прысну море полунощи; идутъ сморци мглами; Игореви Князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари: Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслию поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца. Комонь въ полуночи. Овлуръ свисну за рѣкою; велитъ Князю разумѣти. Князю Игорю не быть: кликну стукну земля; въ шумѣ трава. Вежи ся Половецкіи подвизашася; а Игорь Князь почкочи горностаемъ къ тростію, и бѣлымъ гоголемъ на воду; въврѣже ся на брѣзъ комонь, и скочи съ него босымъ вѣлкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мглами избивая гуси и ле-

Ярославна рано плачетъ въ Путівѣ на стѣнѣ, причитаючи: свѣтлое и прекрасное солнышко! всѣмъ красно и тепло ты есть, за чѣмъ, пронзаешь своими палящими лучами милыхъ воиновъ въ безводной степи? сухотою имѣ луки стянувъ, жаромъ имѣ тулы закрывъ?

III.

Брызнуло море полуночи, идутъ смерчи облаками, князя Игоря Богъ несетъ изъ земли Половецкой въ землю Русскую, къ отеческому золотому столу! Погасла заря вечерняя, Игорь спитъ и не спитъ, мыслями поля измѣряя отъ великаго Дона до малаго Донца. Конь (готовъ?) въ полуночи, Лавръ свиснулъ за рѣкою, давая князю знать. Князю Игорю (въ плѣну?) не быть!

Кликъ и стукъ по землѣ; зашумѣла трава, стражницы половецкія минулись, а Игорь князь ускакалъ какъ горностаѣ къ тростику, какъ бѣлый гоголь на воду, бросился на добраго коня и поскакалъ на немъ борзымъ волкомъ къ лугамъ Донца, летя соколомъ во мглѣ, убивалъ онъ гусей да лебедей къ завтраку, обѣду и ужину. Если Игорь соколомъ летитъ, то Лавръ какъ волкъ бѣжитъ, стряхая ногами росу: измучили своихъ борзыхъ коней.

беди, завтраку, и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влѣкомъ потече труся собою студеную росу; претръгоста бо своя брѣзая комо-ня. Донецъ рече: Княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку не любія, а Руской земли веселія. Игорь рече, о Донче! не мало ти величія, лелѣявшу Князя на влѣнахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребренныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мѣглами подъ сѣнію зелену древу; строжаше е гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, Чрънядьми на ветрѣхъ. Не тако ли, рече, рѣка Стугна худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи, и стругы ростре на кусту? Уношу Князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ. Плачется мати Ростиславя по уноши Князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою, и древо стугою къ земли прѣкло-нило, а не сорокы втроскоташа. На слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда

(55) Р. Стугна въ Кіевскомъ уѣздѣ.

(56) Ростиславъ, сынъ Всеволода 1, братъ Мономаха, утонулъ въ Стугнѣ 1093 года, когда Русскіе были разбиты Половцами; тутъ же чуть не утонулъ и Момахъ

Донецъ привѣтствуетъ: князь Игорь! не мало тебѣ величія, Кончаку досады, а Русской землѣ веселья! Игорь отвѣтъ держитъ: О Донецъ, тебѣ, не мало величія, носившему князя на волнахъ, постилавшему для него зеленую траву на своихъ серебрянныхъ бережкахъ, одѣвавшему его теплыми туманами подъ сѣнью зеленыхъ деревъ, сберегавшему его, какъ гоголя на водѣ, какъ чернядь на вѣтру; не такова, сказать, Стугна (55) рѣка, пожирающая въ свои пагубныя струи чужіе ручьи и останавливающая лодки на поемныхъ кустахъ!

Юношѣ, князю Ростиславу (56) затворилъ Днѣпръ мрачные берега; плачетъ мать о юномъ князѣ Ростиславѣ: завяли цвѣты жалобно, а дерево надсажаясь клонилось къ землѣ, какъ сороки щебечутъ.

Вслѣдъ за Игоремъ ѣздятъ Гза съ Кончакомъ (57); тогда вороны не граяли, гал-

(57) «Гза» или «Гзакъ» имя половецкаго хана, являющееся въ лѣтописяхъ подъ другими формами: «Кчій» и «Кочинъ»; первая форма соответствуетъ тюркскому «казъ» гусь, а послѣдняя — «кичи», коза. Кончакъ, половецкій ханъ, названъ отъ татарскаго

врани не граахуть, галици помлъкоша, со-
роky не троскоташа полозію ползоша толь-
ко, дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ ка-
жутъ, соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ по-
вѣдаютъ. Млъвить Гзакъ Кончакови: аже
соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича ро-
стрѣ-
ляевѣ своими злаченными стрѣлами. Рече
Кончакъ ко Гзѣ: аже соколъ къ гнѣзду
летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною ди-
вицею. И рече Гзакъ къ Кончакови: аще
его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама
будетъ соколца, ни нама красны дѣвице,
то почнутъ наю птици бити вѣ полѣ Поло-
вецкомъ.

Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣст-
ворца стараго времени Ярославля Ольгова
Коганя хоти: тяжело ти головы, кромѣ пле-
чу; зло ти тѣлу, кромѣ головы: Руской зем-
ли безъ Игоря. Солнце свѣтитсѣ на небесѣ,

слова:» кунчакъ» сука, Москвитянинъ 855
г. рецензія И. Березина, на переводъ.
«Слсва» г. Гербеля.

(58) Сынъ Игоря, Владиміръ, оставшійся
послѣ отца вѣ плѣну у Половцевъ, дѣй-
ствительно женился на дочери хана Кон-
чака (см. пр. 29).

ки замолкли, сороки не щебетали, только дятлы, долбя дерево, дорогу къ рѣкѣ показываютъ. Вотъ говоритъ Гза Кончаку: «если соколъ къ гнѣзду летитъ, то соколенка, (Владиміра?), разстрѣляемъ своими золочеными стрѣлами.» Отвѣчаетъ Кончакъ Гзѣ: «если соколъ къ гнѣзду летитъ, то мы соколенка прельстимъ красной дѣвушкой (58).» И говоритъ Гза Кончаку: «если прельстимъ его красной дѣвушкой, то не будетъ у насъ ни соколенка, ни красной дѣвушки и начнутъ насъ бить птицы въ полѣ половецкомъ!»

Сказалъ Янъ и о походахъ Святослава, онъ, пѣснотворецъ, стараго времени, Ярослава, Олега—и княжой жены приговаривалъ (59): «худо головѣ безъ плечъ, хуже тѣ-

(59) Это весьма темное мѣсто, можетъ быть ошибочно прочтенное М. Пушкинымъ, г, Минаевъ изъяснялъ читая:» Боянъ, (Норманнъ), пѣлъ ихъ Одина». Г. Н. Полевой полагалъ, что Каганъ былъ пѣвецъ временъ Ярослава. Первое мнѣніе не вѣроятно потому что въ «Словѣ» пѣвецъ ни одною мыслию не касается ни Нор-

Игорь Князь въ Руской земли. Дѣвици поютъ на Дунаи. Вьются голоси чрезъ море до Кіева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ Святѣй Богородици Пирогощей. Страны ради, гради весели, пѣвше пѣснь старымъ Княземъ, а потомъ молодымъ. Пѣти слава Игорю Святъславлича. Буй туру Всеволодѣ, Владиміру Игоревичу. Здрави Князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя плъки. Княземъ слава, а дружинѣ Аминь.

манновъ, ни римскихъ императоровъ, которыхъ подъ словомъ «Траянъ» объяснвлъ г. Г. Мнѣніе г. Полеваго, кажется ближе къ истинѣ: ошибка лишь въ томъ, что слово «каганъ» принято за собственное имя пѣвца... Ни Кагановъ, ни Бояновъ, ни Боюновъ не сохранили лѣтописи, хотя онѣ упоминаютъ имена многихъ любителей книгознанія и грамот-

лу безъ головы», такъ и Русской землѣ безъ Игоря! Солнце свѣтитъ на небѣ, а князь Игорь въ Русской землѣ! Дѣвушки поютъ на Дунаѣ, голоса долетаютъ чрезъ море до Кіева. Игорь ѣдетъ по Боричеву, ко Святой Богородицѣ Поригощей; села рады, города веселы. Пѣли пѣснь старымъ князьямъ, а потомъ и молодымъ пѣть:

Слава Игорю Святославичу, Буй-туру-Всеволоду, Владиміру Игоревичу: будьте здоровы князья и дружина! поборая за христіанъ на нечестивыхъ. Князьямъ слава и дружинѣ тожь!

ности. Полагаю, что здѣсь разумѣются преданія въ разсказахъ Яна, о Ярославѣ; Святославѣ, Олегѣ, (см. пр. 16), и кога новой супругѣ т. е. св. Ольгѣ, за что Янъ и былъ величаемъ:» пѣвцомъ — соловьемъ стараго времени,» отъ людей, наиболѣе восхищавшихся его разсказами.

ГЛАВНЫЯ ОШИБКИ.

Напечатано:

Стран. Строк.

съ вер.

VI 5 гронографъ
— 9 Навина

— 10 сербскихъ
— 11 болгарскихъ

XII 14 словна

— 13 русскихъ князей и
земля Рускыя,

— 15 Адоровъ

— 18 Святославля

VII 1 есть

— 1 свадьбѣ

XII 14 словна

XV 6 пюсю

XXIII 19 кириловскимъ

XXV 21 Игорьевъ

XXVI 14 утверждено

XXX 6 И такъ

XXXI 26 содержанія

15 8 шлемамъ

21 7 Глѣбовну

Слѣд. напечатать:

грааграфъ,
Навина, и отъ судѣй
Іудѣйскихъ, и отъ
четырехъ Царствъ,
такъ же и о Аси-
рійскихъ Царехъ,
и отъ Александрія,
и отъ Римскихъ Ца-
рей, Едлинъ же
благочестивыхъ,

Сербскихъ

Болгарскихъ

славна

Русскихъ Князей и
земля Рускыя

Адоровъ,

Святъславля

есь

свадѣбѣ

славна

пѣсю

Кирилловскими

Игоревъ

утверждено

И такъ,

содержанія,

шлемами

Глѣбовну, привыч-
ки и обычаи.

И

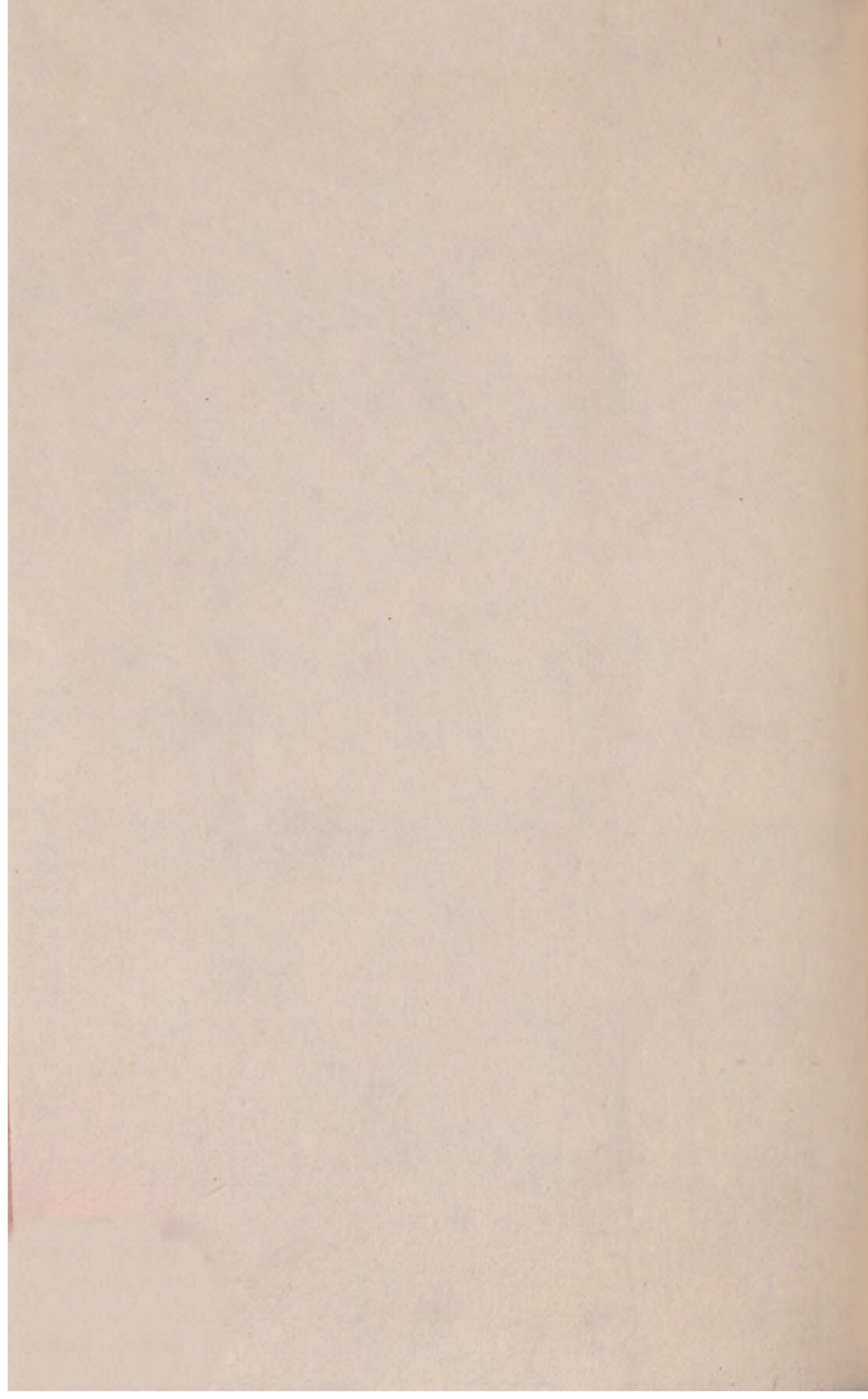
25	3	усобица	усобица,
—	4	княжскихъ	княжескихъ
26	3	Русскую	Рускую
39	5	и	и
40	6	Топчаки	Топчаки,

40
Въ извѣстныхъ книжныхъ лавкахъ
обѣихъ столицъ продаются слѣду-
ющія сочиненія С. Кораблева.

Этнографическій и географическій
очеркъ г. Каргополя Олонецкой гу-
берніи, съ собраніемъ тамошнихъ словъ.
М. 1851 г. Цѣна сер. 73 к., въсов.
за 2 ф.

Очеркъ правоописательной этно-
графіи г. Онеги Архангельской губер-
ніи, съ собраніемъ онежскихъ нѣсенъ
и реэстромъ словъ, отличающихъ та-
мошняе нарѣчіе. М. 1855 г. Цѣна сер.
73 к. въс. за 2 ф.

VERK
TUNG
REK
GENT

Korableva, S. P.

Slovo o Polku Igorevom, Igorę Svętoslaviča, vnuka Ol'gova, s perev. v prozě
i priměč

Moskva 1856

P.o.russ. 118 b

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610210-8